Стихотворенія

В. Сумбатова

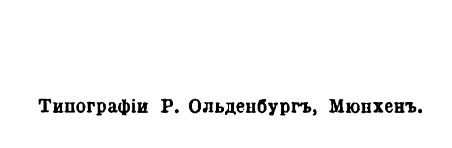

Стихотворенія В. Сумбатова

Изданіе Книжнаго магазина „Градъ Китежъ“

Мюнхенъ 1922

Типографіи Р. Ольденбургъ, Мюнхенъ.

СТРАШНЫЯ ВѢСТИ.

Вѣтеръ съ востока несетъ безотрадныя хмурыя тучи,
Съ родины въ тучахъ привѣтъ вѣтеръ холодный несетъ . . .
Что онѣ видѣли тамъ, гдѣ страданья людскія такъ жгучи?
Что онѣ слышали тамъ, гдѣ такъ томителенъ гнётъ?

Сёла пустыя стоятъ на рѣкахъ пересохшихъ отъ зноя,
Бурыя нивы кругомъ выжжены солнцемъ до тла,
Вѣтеръ надъ но́вой пустыней рыдаетъ, не зная покоя,
Чащу спаленныхъ лѣсовъ скрыла зловѣщая мгла . . .

Падалью, смрадными трупами всюду покрылись дороги,
Голодъ, насилье и моръ гонятъ несчастныхъ людей;
Вотъ они съ воемъ идутъ, еле двигая слабыя ноги, —
Трупы живые идутъ, толпы согбенныхъ тѣней . . .

Хлѣба и крова искать въ города они идутъ толпами,
Но уже саваномъ злымъ Смерть облекла города;

Тамъ вороньё надъ домами взмываетъ, какъ черное
знамя,
Въ улицахъ трупы лежатъ, царствуетъ злая
Бѣда . . .

Людямъ нигдѣ нѣтъ спасенья и помощи нѣтъ ни
откуда,
Въ страхѣ земля замерла, спитъ и небесная
твердь;
Тщетны всѣ слезы и стоны, и тщетны надежды
на чудо;
Съ хохотомъ вдоль по Руси шествуетъ черная
Смерть . . .

НА ЧУЖБИНѢ.

Въ тѣни высокихъ пальмъ и пиній темнохвойныхъ
Сидите вы одна на мраморной скамьѣ
И подъ журчанье струй фонтановъ безпокойныхъ
Мечтаете съ тоской о родинѣ, семьѣ . . .

Вамъ видятся вдали безбрежныя равнины,
Задумчивой рѣки серебряный извивъ
И яркая листва березы и осины,
Что смотрятся въ нее, стволы свои склонивъ.

Межъ золотистой ржи, сплетенной съ васильками,
Дорога, какъ змѣя, какъ лента, улеглась
И вьется безъ конца, скрываясь за лѣсами,
Которымъ нѣтъ границъ, въ которыхъ тонетъ
глазъ.

Съ пологаго холма спускается аллея
Изъ старыхъ-старыхъ липъ, а на холмѣ фронтонъ
Родимаго гнѣзда возносится, бѣлѣя
Рядами стройныхъ вазъ, пилястровъ и колоннъ.

Вся въ зелени плюща терасса потонула,
И окна — настежь всѣ, и музыка слышна, —
Полна любви, тоски, и горя, и разгула,
Доносится къ вамъ пѣснь изъ свѣтлаго окна.

Отчизны милой пѣснь! проста и благородна,
Ты удаль и тоску, ты смѣхъ и грусть даришь,
Какъ степь — ты широка́, какъ вѣтеръ — ты свободна,
Ты молодости сны на сердцѣ шевелишь!

Подъ звуки пѣсни той вы смотрите на да́ли:
Тамъ темною стѣной стоитъ дремучій боръ,
Блестятъ извивы рѣкъ, какъ полосы изъ стали,
И всюду — хлѣбъ и хлѣбъ, куда ни кинешь взоръ.

Надъ берегомъ крутымъ сѣрѣются избёнки,
Горитъ на церкви крестъ, овины стали въ рядъ,
Изъ-за рѣки, съ луговъ и веселы, и звонки,
Несутся голоса́ рѣзвящихся ребятъ . . .

Къ вамъ Родина свои объятья простираетъ, —
Вамъ хочется упасть и землю цѣловать,
Встаете вы, но — видъ знакомый исчезаетъ, —
Кругомъ такъ чуждо все, и грустно вамъ опять...

Какъ были-бъ рады вы сейчасъ отдать все это —
И роскошь гордыхъ пальмъ, и мраморъ, и фонтанъ
За рядъ убогихъ избъ, гдѣ все полно привѣта,
За хмурый, дикій лѣсъ и ширь родныхъ полянъ!..

РОДНОЕ.

Сѣро-жемчужное небо,
Рѣчки блестящая сталь,
Золото въ пóлосахъ хлѣба,
Сине-туманная даль;

Въ даль убѣгаетъ дорога,
Прячась за сломанный тынъ,
Гдѣ покосился убого,
Дымомъ одѣтый овинъ;

Вдоль по дорогѣ, за нивой,
Въ глáди зеленыхъ луговъ
Чуть шевелятся лѣниво
Пестрыя пятна коровъ;

Каркаютъ въ рощѣ вороны,
Поздній кричитъ коростель,
Льются откуда-то звоны,
Хрипло скрипитъ журавель;

Балки, пригорки, низины,
Въ балкахъ — орѣшника тѣнь,
Къ рѣчкѣ сбѣгаютъ осины
И безконечный плетень;

Мельницы крылья лѣниво
Машутъ за рѣчкой вдали;
Въ рощахъ деревья красиво
Золото въ зелень вплели;

Церковки тусклыя главы,
Кладбища вѣтхій заборъ,
Желтыя въ рѣчкѣ купавы,
Желтый ромашекъ коверъ;

Избы подъ сѣрой соломой,
Избы подъ тесомъ гнилымъ, —
Какъ это сердцу знакомо,
Какъ это вѣетъ роднымъ!

РОДИНА.

Нѣтъ больше родины моей!
Въ огнѣ безумнаго разгула,
Въ бѣсовской пляскѣ пьяныхъ дней,
Въ крови дымящейся своей
Она со стономъ потонула...

Громаднымъ кладбищемъ лежитъ
Вся Русь; тамъ вѣтеръ лишь рыдаетъ,
Да, озаряя страшный видъ,
Звѣзда кровавая горитъ,
Да буря черный стягъ взвиваетъ...

То смерти вьется страшный флагъ
Средь селъ и нивъ опустошенныхъ,
И прорѣзаетъ жуткій мракъ
Убійствъ и мукъ кровавый знакъ —
Два треугольника скрещенныхъ...

ВЪ ИЗГНАНІИ.

Отдавъ и молодость, и силу
За честь Отчизны въ злыхъ бояхъ,
Въ награду я хочу могилу
Найти въ родныхъ ея поляхъ.

Мнѣ на чужбинѣ неуютно,
И горекъ хлѣбъ, и свѣтъ не милъ;
Я уношусь ежеминутно
Душой къ крестамъ родныхъ могилъ.

Больной, безъ силъ и безъ работы,
Живя средь чуждыхъ мнѣ людей
Подъ гнетомъ будничной заботы,
Не жду я больше лучшихъ дней.

Усталъ я думать, волноваться,
Усталъ отъ жизни, отъ всего,
Усталъ душою извиваться
Подъ плетью Рока своего.

О, поскорѣй-бы воротиться
Подъ сѣнь родныхъ моихъ березъ,
Хоромамъ старымъ поклониться,
Гдѣ я родился и возросъ,

Отдать поклонъ пенатамъ милымъ,
Предаться грёзамъ дѣтскихъ сновъ,
Припасть къ родительскимъ могиламъ
И умереть у ихъ крестовъ...

СНѢГЪ.

(сонетъ.)

Не яблони-ли въ небѣ отцвѣли?
Не мотыльковъ-ли бѣлыхъ мчится стая?
Холодной бѣлизной задумчиво блистая,
Цвѣты иль крылья нá землю легли?..

Я вспомнилъ вдругъ снѣгá родной земли...
Какъ мнѣ милá ихъ пелена густая!
Покрылась ей вся улица пустая,
И крыши всѣ, и темный садъ вдали.

Пусть злой морозъ подъ ледянымъ забраломъ
Шагаетъ вдоль по улицамъ пустымъ,
Сверкающимъ въ уборѣ небываломъ, —
Моя тоска развѣялась, какъ дымъ!
Мнѣ чуждый Римъ сегодня сталъ роднымъ —
Подъ серебристымъ снѣжнымъ покрываломъ!

СНЫ ВОСПОМИНАНІЙ.

Надъ угрюмыми горами, сонными лѣсами,
Ночь незримыми руками черный саванъ ткетъ,
И, мигая блѣднымъ окомъ, нá небѣ далекомъ,
Точно въ куполѣ высокомъ, ликъ луны цвѣтетъ.

Я одинъ съ своей мечтою, полною тоскою,
И встаютъ передо мною прошлые года, —
Безконечный рядъ видѣній, дѣтскихъ впечатлѣній,
Страховъ, грёзъ, отрадъ, волненій длинная чреда.

Вижу неба сводъ бездонный, паркъ и прудикъ сонный,
Вижу бѣлыя колонны дѣдовскихъ хоромъ,
Вѣковыя сосны, ели, межъ березъ — качели,
Слышу нѣжный звонъ свирѣли подъ моимъ окномъ...

Это значитъ — гонятъ стадо; подниматься надо!
Тѣло бодро, сердце радо встрѣтить новый день!
Подбѣгу босой къ окошку, видно въ паркъ дорожку,
Видно клумбы, паркъ, сторожку и села́ плетень...

Гдѣ-то жаворонокъ вьется, пѣсня звонко льется,
Заглушая скрипъ колодца на дворѣ у насъ...
Отъ окна я отрываюсь, живо одѣваюсь,
Выбѣгаю, восхищаюсь утромъ въ сотый разъ,

Обѣгаю прудъ блестящій, обрамленный чащей,
Гдѣ бѣжитъ струей журчащей маленькій ручей...
Нѣтъ конца моимъ отрадамъ! пробѣжавъ за
садомъ,
Загляну въ конюшню рядомъ приласкать коней,

Отъ конюшни до обрыва добѣгаю живо
И сижу тамъ молчаливо въ грезы погруженъ...
— Мама встала! — крикнутъ братья, и пущусь
бѣжать я
Къ мамѣ ласковой въ объятья, на ея балконъ.

Завтракъ мой недолго длится, въ лѣсъ душа
стремится!
— Мама, можно прокатиться? — Съ Богомъ, мой
родной!..
И бѣгу во всѣ лопатки я къ своей «Загадкѣ„
Быстрой, кругленькой лошадкѣ съ гривой золотой.

Хлѣба съ солью сунешь другу, пальцемъ ткнешь въ
подпругу,
Глядь, и мчишься ужъ по лугу прямо въ милый лѣсъ,
И дорожкою лѣсною, скрытою отъ зноя,
Ѣдешь въ царствѣ грёзъ, покоя, страховъ и чудесъ...

Тихо шепчутъ мнѣ березы, навѣвая грезы,
И росы роняютъ слезы на голову мнѣ,
Вѣтерокъ порой проснется, бѣлка вдругъ метнётся,
Или филинъ встрепенется, застонавъ во снѣ...

Здѣсь безсиленъ холодъ скуки!.. Сладки лѣса звуки,
Вѣтви тянутся, какъ руки, съ ласкою живой,
Вѣтра шумъ звучитъ нестрого, вся въ цвѣтахъ
дорога,
Каждый листикъ славитъ Бога, какъ и птичекъ
рой...

Возвратившись, къ пруду мчишься, вмигъ
разоблачишься,
Съ полчаса въ водѣ рѣзвишься, выйдешь освѣженъ,
Утомленья нѣтъ и слѣда! встанешь отъ обѣда,
За столомъ еще бесѣда, я-же — на балконъ.

Тамъ заманчивы картины: стелются равнины,
И лѣсовъ гудятъ вершины подъ небесъ шатромъ,
Безъ конца желтѣютъ нивы, дáли такъ красивы,
И блестятъ рѣкú извивы яркимъ серебромъ.

Но любилъ всего я болѣ выйти съ книгой въ поле
И читать, читать на волѣ вплоть до темноты;
Пушкинъ, Лермонтовъ плѣняли умъ мой и рождали
Въ сердцѣ радости, печали, страхи и мечты...

На закатѣ я лѣниво на краю обрыва,
Гдѣ репейникъ и крапива, растянусь и жду,
Скоро-ль ночь укроетъ тучей солнца образъ жгучій
И зажжетъ вдали надъ кручей первую звѣзду...

А взойдетъ луна, бѣгу я къ пруду, гдѣ, тоскуя,
Опустили ивы въ струи бахрому вѣтвей,
Сяду къ дереву надъ прудомъ и любуюсь чудомъ, —
Прудъ огромнымъ изумрудомъ спитъ въ вѣнцѣ
лучей...

Лунный лучъ — столбъ яркой пыли, въ немъ, какъ
взмахи крылій,
Свѣтятъ чашки бѣлыхъ лилій надъ стекломъ воды..
Вѣтеръ рябь на воду броситъ, шепчетъ, словно
проситъ,
И отъ клумбъ ко мнѣ доноситъ запахъ резеды...

Ивъ колышатся верхушки, квакаютъ лягушки,
Гдѣ-то въ чащѣ, у опушки, соловей свиститъ,
Съ вѣтромъ шепчутся березы, и журчатъ
стрекозы...
Сколько сновъ! Какія грёзы ночь душѣ даритъ!..

Такъ цвѣтутъ въ лучахъ мечтанья сны воспоминанья
И въ душѣ родятъ желанье все вернуть назадъ,
А очнешься — все другое, все вокругъ — чужое,
Все несхожее съ мечтою ничему не радъ!..

Ночь минула, солнца взоры ужъ золотятъ горы,
Птицъ давно щебечутъ хоры, въ комнатѣ свѣтло,
И прощаешься съ мечтою, думая съ тоскою:
Неужели все былое навсегда прошло?..

СТАРОЕ ГНѢЗДО.

Аллеи крутой поворотъ,
Дорожки желтая змѣйка,
Въ концѣ — заборъ и скамейка
У старыхъ скрипящикъ воротъ;

Съ колонками бѣлыми домъ,
Перила ветхой веранды,
Плюща надъ ними гирлянды,
Покой и довольство кругомъ;

Калитка въ запущенный садъ,
Листвы узорныя тѣни,
Бесѣдка въ гущѣ сирени,
Со спѣлыхъ полей ароматъ;

Некрашеный липовый столъ,
Въ растущемъ облакѣ пара
Горячій блескъ самовара,
Который отъ жара «ушелъ»;

Со сливками желтыми чай,
Три разныхъ сорта варенья,
Баранокъ пышныя звенья,
Домашній ржаной каравай;

На скатерти красный узоръ —
Изъ мелкихъ крестиковъ птица,
Вокругъ — хорошія лица,
Сердечный простой разговоръ . . .

Увижу-ли вновь и когда
Картину эту родную? . . .
Томлюсь, и жду, и тоскую,
Что все разметала бѣда. . .

„ОСВОБОДИТЕЛЯМЪ."

Мечтатели-слѣпцы, сгубившіе Отчизну,
Но спасшіе себя отъ голода и зла,
Надъ матерью своей живой справляя тризну,
Кричатъ: Россіи нѣтъ! Россія умерла!

Но нѣтъ! Еще жива Россія! Вы напрасно
Хороните ее! Вы сами мертвецы,
А Родина лишь спитъ и можетъ ежечасно
Возстать отъ сновъ своихъ, несчастные слѣпцы!

Играя, какъ въ мячи, высокими словами,
Вы думали — безъ васъ Россіи жизни нѣтъ,
Вы думали — она держалась только вами,
И только вы одни ей проливали свѣтъ?

О, жалкія слова и жалкія мечтанья!
Что сдѣлали, слѣпцы, вы съ родиной своей?
Вы обрекли ее на голодъ и страданья,
Вы, хлѣба обѣщавъ, лишь камень дали ей!

Была пора: росло, цвѣло Россіи древо,
Могучею главой упершись въ небосклонъ,
Стремились вѣтви вверхъ, тянулись вправо, влѣво,
И толпы шли людей въ ихъ тѣнь со всѣхъ сторонъ.

А вы, подъ тѣнью той укрывшись, разсуждали,
Что этотъ сукъ изсохъ, а этотъ слишкомъ кривъ,
Что листья и цвѣты какъ-будто грубы стали,
Что слишкомъ густъ вѣтвей запутанный извивъ.

Влѣзть кверху по стволу въ васъ не было умѣнья,
Исправить кривизну, засохшій сукъ отнять

Изъ васъ никто не могъ, и вотъ, безъ сожалѣнья,
Вы стали землю рыть и корни обрывать.

Слабѣло дерево, а вы — вы рады были:
Пусть падаетъ оно; его мы обновимъ,
Отъ всѣхъ сухихъ вѣтвей, отъ кривизны и гнили
Мы стволъ его тогда навѣкъ освободимъ!

Слабѣло дерево... Ужъ грóзы колебали
Досель недвижный стволъ, а вы, таясь отъ грозъ
Въ тѣни его вѣтвей, безумно корни рвали.
Что выйдетъ изъ того — не мучилъ васъ вопросъ...

Насталъ ужасный день, и древо пошатнулось
И съ грохотомъ глухимъ упало въ грязь и прахъ...
И горы потряслись, и море всколыхнулось
Въ тотъ скорбный, страшный день, повергшій землю въ страхъ!

И тысячи людей погибли подъ вѣтвями,
Ихъ стоны вихрь глушилъ, ихъ раны крыла ночь,
Кровавою волной помчались дни за днями,
А вы, виновники, бѣжали въ страхѣ прочь!

Пусть милліоны тамъ остались безъ защиты
Отъ дикихъ бурь и грозъ на много долгихъ лѣтъ!
Тепло, уютно вамъ, одѣты вы и сыты,
Что вамъ до остальныхъ? — для васъ Россіи нѣтъ.

Вы здѣсь, за рубежомъ, свои спасая жизни,
Забывъ свои грѣхи, виня во семъ другихъ,
Пророчите конецъ еще живой отчизнѣ,
Усталой и больной отъ жуткихъ сновъ своихъ!

Она жива, слѣпцы! Вы корни подкопали,
Но силы спятъ въ стволѣ и жизнь въ себѣ таятъ!
Пройдутъ кошмаровъ дни, улягутся печали,
И пуститъ древній стволъ побѣговъ новыхъ рядъ.

Отчизна справится съ бѣдою роковою,
Красивѣй и сильнѣй подъ бурей расцвѣтетъ,
И Древо Русское могучею главою
Опять небесный сводъ, какъ прежде, подопретъ.

И вѣтви надъ землей изъ листьевъ свяжутъ сѣти,
И люди поспѣшатъ въ ихъ тѣнь со всѣхъ концовъ,
Придутъ въ родную сѣнь тогда и ваши дѣти,
Придутъ съ тоской въ сердцахъ — стыдясь своихъ отцовъ!

ЕВАНГЕЛІЕ ПРИРОДЫ.

Немало о Любви есть въ мірѣ откровеній,
Намъ сотни мудрецовъ писали о Христѣ;
Но много въ книгахъ тѣхъ пробѣловъ и сомнѣній,
Безъ свѣта мысли въ нихъ, слова въ нихъ все не тѣ!

Не то! не то! не то! Одна есть Книга въ жизни,
Что всѣмъ, всегда, на все дастъ истинный отвѣтъ;
Она насъ всѣхъ зоветъ къ иной, святой Отчизнѣ,
Она для всѣхъ Любви и Радости Завѣтъ!

Всегда открыто всѣмъ Евангелье Природы,
Отъ вѣка намъ оно глаголетъ о Христѣ!
Внемлите-жъ всей душой, смятенные народы,
О Радости, Любви и Вѣчной Красотѣ!

СФИНКСЪ.

Въ степяхъ, въ лѣсахъ, въ морозахъ и въ теплѣ,
Отъ Соловецкихъ льдовъ до знойнаго Ирана,
Съ Амурскихъ береговъ до Вислы и Нѣмана
Гигантскій сфинксъ простерся на землѣ.

Безмолвно онъ лежитъ вѣка́ во мглѣ
Съ загадкой на устахъ среди людского стана,
И людямъ думъ его подъ саваномъ тумана
Не разгадать на царственномъ челѣ.

Ужъ тысячи людей въ разгадкѣ ошибались,
Платилися за то и въ пропасть низвергались,
Эдипа нѣтъ загадку разгадать!

И тщетно силятся газетные витіи
Градущій путь отчизны предсказать! —
Загадка сфинкса мы, грядущее Россіи!

ЯВЛЕНІЕ РАДОСТИ.

Безлюдна ширь полей, недвижно дремлетъ колосъ,
Беззвучно черезъ тьму летитъ за мигомъ мигъ . . .
Ты гдѣ-то близко, здѣсь, звенитъ въ тиши Твой голосъ,
Сіяетъ мнѣ сквозь мракъ Твой озаренный ликъ.

Я звалъ Тебя давно, я ждалъ Тебя годами,
Искалъ Тебя вездѣ, въ покоѣ и въ борьбѣ,
Но годы тускло шли тяжелыми стопами, —
Я не встрѣчалъ Тебя, не слышалъ о Тебѣ.

Я вѣрилъ, что въ Тебѣ весь свѣтъ людского счастья,
Что предъ Тобой падутъ Тоска, и Зло, и Смерть,
И я молилъ Тебя: Развѣй туманъ ненастья!
Улыбкой озари земли тоскливой твердь!

Порой казалось мнѣ, что тѣнь Твоя мелькала
Въ улыбкахъ молодыхъ, въ сіяньи дѣтскихъ глазъ,
Что рѣчь Твоя во снѣ, въ молитвѣ мнѣ звучала
И въ лепетѣ листвы и въ шумѣ бурь лилась. . .

Я рвáлся всей душой, но Ты не отзывалась,
Я плакалъ и скорбѣлъ, но тщетенъ былъ мой стонъ,
И много разъ душа въ порывахъ ошибалась,
И былъ я много разъ въ глазахъ людей смѣшонъ.

Блуждалъ я межъ людьми въ томленьяхъ неисходныхъ,
Мнѣ говорили всѣ, что призракъ Ты и ложь,
Но я не уставалъ отъ поисковъ безплодныхъ,
Я вѣрилъ, что Ты есть, Ты близко, Ты придешь. . .

Не вѣдая Тебя, я былъ Твоимъ пророкомъ,
Я звалъ людей къ Тебѣ, не зная самъ, гдѣ Ты,
И вотъ — явилась Ты, и въ сумракѣ стоокомъ
Мнѣ внятенъ голосъ Твой, ясны Твои черты!

Уста мои горятъ: то свѣтъ Твой неизмѣнный,
Какъ пламя изо льда, изъ сердца гимнъ исторгъ,
И славлю я Тебя, Владычица вселенной!
Ты — Дѣва — Мать Любви, ты счастье и восторгъ!

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Долой печаль! Христосъ воскресъ!
Отбросьте старый гнётъ сомнѣній
И ждите новыхъ откровеній
И ждите радостныхъ чудесъ!

Христосъ воскресъ! Печаль долой!
Ее восторгомъ вы смѣните, —
Свѣтильникъ радости зажгите,
Развѣйте свѣтомъ сумракъ злой!

Печаль долой! Воскресъ Христосъ!
Воскресъ для вѣрныхъ и невѣрныхъ, —
Для злыхъ, жестокихъ, лицемѣрныхъ,
Для всѣхъ Онъ свѣтъ любви принесъ!

Воскресъ Христосъ! Долой печаль!
Мы нынче радостны, какъ дѣти,
У насъ все будущее въ свѣтѣ,
И въ прошломъ ничего не жаль!

ЗАВѢТЪ.

Будьте всегда, какъ дѣти, —
Одѣньтесь смѣхомъ живымъ,
Думы держите въ свѣтѣ,
Гоните горестей дымъ.

Встанемъ войной на горе,
Улыбокъ вспомнимъ привѣтъ,
Вѣчно горятъ ихъ зори,
Даря намъ радости свѣтъ.

Радость въ печали бьется;
Въ слезáхъ украдкой кипитъ,
Въ капляхъ осеннихъ льется,
Весною въ грóзахъ гремитъ,

Въ гнѣвѣ огнемъ алѣетъ,
Въ любви порхаетъ мечтой,
Въ смерти, какъ искра, тлѣетъ,
И въ страсти свѣтитъ звѣздой.

Сбросьте печалей сѣти,
Смѣните раемъ тюрьму,
Будьте свѣтлы, какъ дѣти, —
Развѣйте радостью тьму!

ВЪ ПОИСКАХЪ РАДОСТИ.

Мнѣ приснилось, что храмъ Твой высóко въ горахъ
Утонулъ въ облакахъ, что найду Тебя тамъ, —
И, довѣрившись снамъ, я съ молитвой въ устахъ,
Усмиряя свой страхъ, шелъ по острымъ камнямъ,
Но межъ голыхъ вершинъ, среди облачной мглы
Жили только орлы, только вѣтеръ одинъ
Межъ камней завывалъ, — Тебя не было тамъ,
Я напрасно искалъ Твой сіяющій храмъ.

Въ сотняхъ книгъ я прочелъ, что, надъ моремъ царя,
Какъ надъ міромъ заря, дивный садъ Твой расцвѣлъ, —
Я пустыни прошелъ, весь надеждой горя,
Пересѣкъ всѣ моря, но Тебя не нашелъ;
Много мелей и скалъ видѣлъ я средь валовъ
И большихъ острововъ многолюдныхъ встрѣчалъ,
Зло царило вездѣ и туманъ суеты, —
На призывъ мой нигдѣ не откликнулась Ты.

Кто-то молвилъ, что Ты — глубокó подъ землей,
Въ мрачной кельѣ сырой, гдѣ гнѣздятся кроты,
Что среди темноты Ты замкнулась нѣмой;
Я отрекся душой отъ земной суеты,
Я подъ землю ушелъ въ глубину, но и тамъ
Утоленья мечтамъ я своимъ не нашелъ, —
Не нашелъ я Тебя и, тоскою объятъ,
Безутѣшно скорбя, возвратился назадъ.

Встрѣтилъ нѣжнымъ тепломъ меня солнечный свѣтъ,
Вѣтеръ слалъ мнѣ привѣтъ въ каждомъ вздохѣ своемъ,
Былъ, какъ пестрымъ ковромъ, лугъ цвѣтами одѣтъ,
Пѣлъ ручей, какъ поэтъ, и блестѣлъ серебромъ . . .
Я пришелъ — какъ на пиръ: и свѣтясь, и звеня,
Принялъ съ честью меня Божій радостный міръ, —
Въ этотъ сладостный мигъ спáла съ думъ моихъ ложь,
И душой я постигъ, что во мнѣ Ты живешь!

Я виновенъ былъ самъ, что такъ долго блуждалъ
По горамъ между скалъ и по бурнымъ морямъ;
Тебя не было тамъ и напрасно я звалъ,
И напрасно искалъ я повсюду твой храмъ, —
Ты-же въ сердцѣ цвѣла, притаясь въ уголкѣ,
Я не чуялъ въ тоскѣ, что во мнѣ Ты жила,
А когда я усталъ и въ борьбѣ изнемогъ
Въ сердцѣ ярко возсталъ Твой лучистый цвѣтокъ!

ГРАЛЬ РАДОСТИ.

Вечерній ангелъ тѣнь крыла
На землю бросилъ, и вокругъ,
На шумный лѣсъ, на пестрый лугъ,
Легла таинственная мгла.

Одѣлась тусклой дымкой сна
Лазурь небеснаго стекла,
И въ звѣздныхъ капляхъ потекла
На міръ ночная тишина. . .

Иду незнаемымъ путемъ,
Передо мною даль мутна,
И, жуткой тайною полна,
Угроза чуется во всемъ.

Дневного свѣта мнѣ не жаль;
Въ душѣ моей свѣтло, какъ днемъ;
Въ моихъ рукахъ горитъ огнемъ
Фіалъ отрады — дивный Граль.

Иду въ безмолвіи долинъ,
Закованъ въ рыцарскую сталь,
Сражая пѣснями печаль,
Что шлетъ навстрѣчу злой Мерлинъ.

Царицы Радости посолъ,
Ея пѣвецъ и паладинъ,
Пусть я безвѣстенъ и одинъ,
Я не боюсь владыки золъ.

Пусть онъ окуталъ тьмою даль,
Пусть темныхъ страховъ рать привелъ,
Пройду отважно жуткій долъ,
Храня мерцающій хрусталь! . .

Небесный куполъ все яснѣй,
Земля снимаетъ сна вуаль,
Встрѣчаетъ міръ священный Граль
Аккордомъ пѣсенъ и огней.

Моря свѣтлѣй, пышнѣй поля,
Шлютъ ароматъ лѣсá сильнѣй ...
— Конецъ тревогамъ прежнихъ дней! —
Склóняясь, шепчутъ тополя...

О, не мѣтайте, люди, мнѣ!
О, не разбейте хрусталя!
Я вѣсть несу тебѣ, Земля,
О Вѣчной Радостной Веснѣ!

ПРОРОЧЕСТВО.

Придетъ, придетъ Она, Владычица вселенной,
И въ радугѣ лучей, и въ музыкѣ сойдетъ,
И глянетъ ликъ Ея, Предвѣчной и Нетлѣнной,
Въ смятенныхъ думъ и душъ земной круговоротъ.

И волны упадутъ, и зеркаломъ предстанетъ
Все море душъ людскихъ, чтобъ воспрiять черты
Божественной Любви, и новый вѣкъ настанетъ,
Вѣкъ Радости Живой и Вѣчной Красоты.

Въ тотъ день, какъ дѣти, всѣ другъ другу улыбнутся,
О зависти, враждѣ и злѣ забудетъ мiръ,
Съ луговъ вспорхнутъ цвѣты и пѣснями зальются,
Деревья запоютъ подъ звонъ зеленыхъ лиръ,

И будутъ въ пѣсняхъ свѣтъ и въ ароматахъ краски,
И звѣзды, какъ цвѣты, слетятъ въ луга съ небесъ...
И это все не сонъ, не грезы старой сказки;
Все это лишь прологъ Ея святыхъ чудесъ!

Придетъ, придетъ Любовь! Готовьте все для встрѣчи!
Кто знаетъ день и часъ? Кто знаетъ вѣкъ и годъ?
Я вижу свѣтъ Очей, я слышу звуки Рѣчи ...
Владычица сердецъ, Она придетъ, придетъ!

* * *

Побольше смѣха и привѣта,
Побольше пѣсенъ! —
И станетъ каждый день воскресенъ
И полонъ свѣта.

Пусть наша жизнь полна ненастья
Пусть сумракъ зыбокъ, —
Побольше ласковыхъ улыбокъ,
И будетъ счастье!

МОЛИТВА.

Боже! Владыка земныхъ моихъ дней!
Праздности скучной, унынья тоскливаго,
Высокомѣрія властолюбиваго,
Суетныхъ, праздныхъ, безумныхъ рѣчей
Ты мнѣ не дай въ этой жизни моей!

Духъ-же любви и покой цѣломудрія,
Силу терпѣнія, смиренномудрія
Свѣточъ, что гонитъ грѣховную тьму,
Ты ниспошли мнѣ, рабу Твоему.

Царь и Господь! дай душѣ моей зрѣнія,
Чтобы мнѣ видѣть мои согрѣшенія,
Чтобы мнѣ братьевъ моихъ не судить,
Чтобы вовѣкъ, возсылая моленія,
Имя Твое пресвятое хвалить!

КЪ НЕБУ.

Закатъ угасъ. Тиха земля,
И гладь небесъ полна покоя,
И отдохнувшіе отъ зноя
Лепечутъ нѣжно тополя.

Молюсь подъ лепетъ тополей
Я у небеснаго подножья:
О, голубая риза Божья!
Мнѣ миръ и радость въ душу влей!

Я слабъ и немощенъ душой,
Мнѣ тяжко жить въ земной печали;
Раздвинь безоблачныя дали,
Гдѣ вѣченъ радостный покой!

Здѣсь нѣтъ простора для мечты,
Здѣсь дни тоскливы и убоги;
О, допусти меня въ чертоги
Своей надзвѣздной красоты!

Земныя знанья мнѣ тѣсны;
Дай мнѣ войти въ сады незнанья,
И пусть въ божественномъ молчаньи
Цвѣтутъ мои благіе сны!

МЕЧТЫ И ЯВЬ.

Цвѣтами расписалъ морозъ стекло въ окнѣ,
Работать мнѣ темнѣй, но лепестки та́къ чисты,
Нѣжны, какъ аметистъ, и, какъ опалъ, огнисты,
Что въ этотъ мигъ они дороже свѣта мнѣ.

Какъ грустно знать впередъ, что въ солнечномъ огнѣ
Растаетъ этотъ садъ, гдѣ листья такъ лучисты,
Что пошлое стекло замѣнитъ аметисты,
Какъ злая явь мечту, расцвѣтшую во снѣ!

Порой растутъ въ мечтахъ цвѣты воспоминанья;
Тревожатъ насъ они, и жизнь отъ нихъ труднѣй,
Но дóроги всегда душѣ ихъ очертанья,
И часто грустно намъ, что проза шумныхъ дней
Смѣняетъ сны, гдѣ всё красивѣй и нѣжнѣй —
И горе, и нужда, и даже гнётъ страданья.

КНИГА ЖИЗНИ.

Наша жизнь на свѣтѣ — книга голубая,
Книга голубая съ множествомъ листовъ.
Много въ ней видѣній лучезарныхъ рая,
Много адски-дикихъ и позорныхъ сновъ.

Есть съ пятномъ кровавымъ, есть въ грязи
страницы,
Есть совсѣмъ пустыя, есть и всѣ въ цвѣтахъ,
На однѣхъ мечтанья блещутъ, какъ зарницы,
На другихъ все тонетъ въ траурныхъ тонахъ.

Вся безъ переплета, — гробовыя доски
Будутъ переплетомъ ей, когда умремъ;
Всѣ равны страницы, всѣ обрѣзы плоски,
И растетъ поэма жизни съ каждымъ днемъ.

Вырвать хоть страницу, вычеркнуть хоть слово
Въ книгѣ мы не можемъ: власти нѣтъ надъ ней,

Начинать въ ней запись невозможно снова:
Въ Вѣчность отошедшихъ не вернуть намъ дней!

Будто кто-то Старшій молвилъ людямъ-дѣтямъ:
Книгой не балуйся! Записей не тронь!..
Мы конца не знаемъ въ жизни книгамъ этимъ,
Если не бросаемъ сами ихъ въ огонь!

ОТКРОВЕНІЕ.

Не въ тяжкомъ грохотѣ громовъ,
Не въ блескѣ молній дикой бури, —
Господь явился мнѣ въ лазури,
Въ благоуханіи цвѣтовъ.

И, райскимъ отблескомъ согрѣтъ,
Съ хвалою я склонился долу,
Внимая дивному глаголу,
Въ которомъ цвѣлъ Надежды свѣтъ.

«Я — Радость, Ласка и Покой! —
Такъ рекъ Господь: Я — всепрощенье;
Я всѣмъ скорбящимъ утѣшенье
И свѣтъ Любви несу съ Собой!

Я добръ и милостивъ ко всѣмъ,
Любовью всѣхъ люблю одною,
Виновныхъ нѣтъ передо Мною, —
Не прогнѣвить Меня ничѣмъ!

И злымъ, и добрымъ Я внемлю,
Ко всѣмъ равно Мое участье;
Грѣха нѣтъ въ мірѣ; есть несчастье,
И о несчастныхъ Я скорблю!

Всего Начало и Конецъ,
Я — не властитель надъ рабами, —
Людскими правлю я сердцами,
Какъ Добрый Пастырь и Отецъ!

Мнѣ ближе радости цвѣты —
Улыбокъ свѣтъ и смѣхъ веселый,
Чѣмъ фиміамовъ дымъ тяжелый,
Поклоны, свѣчи и посты!

Надеждой пусть, а не тоской
Земныя теплятся лампады,
Пусть изъ кадильницы отрады
Ко Мнѣ струится смѣхъ людской!

Пусть знаютъ всѣ, что близокъ срокъ,
Когда на души всѣхъ скорбящихъ,
Звеня лучами струй живящихъ,
Прольется Радости потокъ!..»

Такъ рекъ Господь, и я постигъ
Душой отверстой Откровенье,
И свѣтлой Радости волненье
Меня объяло въ этотъ мигъ.

Съ тѣхъ поръ согрѣтъ живымъ огнемъ,
Святыхъ надеждъ вкушая сладость,
Ищу я всюду въ жизни Радость
И нахожу ее во всемъ!

ВДОХНОВЕНІЕ.

Лукъ согнутъ мощною рукою,
И тетива звучитъ струной,
И вотъ — крылатою стрѣлою
Пронизанъ воздуха покой.

Такъ вдохновеніе сгибаетъ
Души поэта лукъ живой
И съ тетивы ума спускаетъ
Стихи пѣвучею стрѣлой.

СТРАХЪ СМЕРТИ.

Изъ вороненой стали пистолетъ...
Могильный холодъ спитъ въ его мерцаньи;
Въ немъ семь смертей таятся въ ожиданьи,
Что вотъ кому-нибудь наскучитъ свѣтъ.

О, многимъ скученъ свѣтъ, но силы нѣтъ
Разстаться съ нимъ, хоть въ горѣ и страданьи
Проходитъ жизнь въ безрадостномъ мельканьи
Туманныхъ дней, однообразныхъ лѣтъ...

Боимся-ль мы Судьи услышать гласъ,
Надежды-ль насъ поддерживаютъ крылья,
Но мы цѣпляемся за каждый часъ
Бѣгущей жизни, вянемъ отъ усилья,
Какъ будто смерти ночь страшнѣй для насъ,
Чѣмъ наши дни — дни злобы и насилья!

ВИДѢНІЕ.

Въ мечтахъ о новой, лучшей долѣ
Я на закатѣ шелъ одинъ
И вдругъ на маковое поле
Набрелъ среди нѣмыхъ равнинъ.

Въ игрѣ съ закатными лучами
Рѣзвился вѣтеръ межъ цвѣтовъ,
Рябя кровавыми волнами
Мильоны алыхъ лепестковъ.

И я затихъ въ нѣмомъ волненьѣ
Передъ цвѣточною волной, —
Мнѣ показалось въ то мгновенье,
Что море крови предо мной...

Я думалъ: если-бъ возвратила
Земля всю кровь, что пролилась
Съ начала міра, — что-бы было?
Что было-бъ въ этотъ страшный часъ?

И я увидѣлъ: кровь плеснула,
И маслянистa, и тепла,
И все живое захлестнула,
И землю въ пурпуръ облекла.

Лѣса смывались и селенья,
Тонули горы, города,
И съ кровью въ бѣшеномъ волненьѣ
Морей мѣшалася вода...

Ища для волнъ своихъ простора,
Кровь прибывала съ каждымъ днемъ,
И вся земля покрылась скоро
Морями крови, какъ огнемъ,

И рдѣя, словно подъ пожаромъ,
Бросая зарево въ эфиръ,
Неслась межъ звѣздъ кровавымъ шаромъ,
Пятная кровью Божій міръ...

Да, страшенъ сонъ, страшно́ видѣнье,
Но все-жъ дѣйствительность страшнѣй:
Война — доселѣ не преступленье,
Она царитъ до нашихъ дней,

И льется кровь людей волною,
Какъ и вѣка назадъ лилась,
И гдѣ-нибудь струей живою,
Быть-можетъ, льется и сейчасъ.

ТРИ КОЛОДЦА.

Въ пустынѣ жизненной глубокихъ три колодца:
Колодецъ Мудрости, гдѣ влага такъ темна,
Колодецъ Радости, гдѣ свѣтъ изъ струекъ льется,
Колодецъ Горести, гдѣ муть стоитъ до дна.

Колодца Мудрости достичь не всѣмъ дается,
А кто достигъ его — тотъ устъ не освѣжитъ:
Чѣмъ больше чéрпаешь изъ этого колодца,
Тѣмъ жажда яростнѣй пылаетъ и томитъ.

Къ колодцу Радости напрасно люди рвутся, —
Закрыли путь къ нему имъ Зависть и Вражда,
Немногія уста до струй его коснутся,
Въ колодцѣ Радости безъ пользы спитъ вода.

Къ колодцу Горести дорога всѣмъ открыта,
Горька вода его, но жажда такъ сильна,
Что люди пьютъ ее, и жизнь ихъ тьмой обвита,
И жизнь ихъ горестью безбрежною полна.

СТАРОВѢРЪ.

Пусть скромный слогъ мой устарѣлъ,
Пускай и мыслю я отстало;
Насмѣшки злой летучихъ стрѣлъ
Не устрашаюсь я нимало.

Я сдѣлалъ самъ свою свирѣль
И для себя на ней играю,
То вѣтра шумъ, то птичью трель,
То плескъ ручья изображаю.

Съ ребячьихъ лѣтъ любя душой
Живой языкъ отчизны милой,
Я не гонюсь за новизной
Пустой, надуманной и хилой.

Люблю я Лермонтовскій стихъ
И пѣсни Пушкина живыя,
Всегда, во всемъ учусь у нихъ,
Твердя ихъ строфы огневыя.

Я въ ихъ навѣки славный храмъ
Еще невѣрными шагами
Иду по шаткимъ ступенямъ,
Гдѣ шли они когда-то сами.

Дойду-ль — Богъ вѣсть; но сердцемъ я
Всегда средь нихъ, во всѣ мгновенья,
И къ нимъ летитъ душа моя
Въ порывахъ свѣтлыхъ вдохновенья.

Безславье видя новыхъ дней,
Былую славу вижу четко,
Карамзина мнѣ слогъ милѣй,
Чѣмъ современная трещотка!

Я современныхъ чуждъ химеръ,
И не влечетъ меня ихъ танецъ,
Между пѣвцовъ я староверъ
И въ новомъ мірѣ чужестранецъ.

ДВА ХРАМА.

Распускается вечера темный цвѣтокъ
Съ лепестками изъ дымчатой тѣни,
И туманъ словно сѣрой фатой заволокъ
Уходящія къ храму ступени.

Всѣ ступени въ тѣни, но старинный порталъ
Сберегаетъ зари поцѣлуи,
Какъ подъ солнцемъ утесъ, онъ и ярокъ, и алъ,
И вокругъ него тѣни, какъ струи.

Эти струи ползутъ и растутъ, какъ прибой,
Поднимаются выше и выше,
И стираютъ зари поцѣлуй огневой,
Гасятъ розовый отблескъ на крышѣ.

Вотъ и крестъ на темнѣющей башнѣ угасъ,
Тѣни куполъ тяжелый обвили,
Словно въ трауръ громада его облеклась
По покинувшемъ землю свѣтилѣ...

Какъ сіяющій храмъ выростаетъ душа,
Если свѣтитъ ей лучъ вдохновенья,
И, горя, какъ въ огнѣ, и излиться спѣша,
Расцвѣтаютъ въ душѣ пѣснопѣнья.

Ты великъ въ этотъ часъ вдохновенья, поэтъ!
Но не долго тотъ часъ пламенѣетъ —
Безпросвѣтная Жизнь гаситъ радостный свѣтъ,
И душа отъ страданій мрачнѣетъ.

Отцвѣтетъ вдохновенье, и въ душу ползетъ
Тѣнь сомнѣнья, печали и лѣни
И ложится на сердце, какъ тягостный гнётъ,
Какъ на храмъ — безпросвѣтныя тѣни.

ОТБЛЕСКИ БЫЛОГО.

Порою, подчиняясь душой живому сну,
Въ незнаемыхъ стѣнахъ чужого града
Я видѣлъ домъ иль уголочекъ сада,
Гдѣ, мнилось мнѣ, встрѣчалъ я не одну весну.

Порой въ толпѣ чужой нечаянно взгляну
И встрѣчу блескъ знакомаго мнѣ взгляда,
И вдругъ душа ему до счастья рада,
Какъ-будто мы близки съ нимъ были въ старину.

Пусть это — бредъ, но, что-бъ ни говорили,
Я вѣрю все-жъ, что намъ встрѣчаться здѣсь дано
Съ тѣнями душъ, намъ близкихъ въ давней были,
Что вновь переживать намъ Рокомъ суждено
Все то, что мы душой безсмертною давно
Въ минувшемъ бытіи когда-то пережили.

ПОКОЙ.

Съ моря слышенъ роковой
Бури вой; тамъ прибой
Бьетъ съ отчаяньемъ въ гранитныя громады;
Съ воемъ боли, злобы, слёзъ
И угрозъ объ утесъ
Разбиваются и пѣнятся каскады...

Такъ-же въ мірѣ — злобы рёвъ,
Страсти зовъ, звонъ оковъ
То спадаютъ, то растутъ, и вырастаютъ
Въ жуткій хаосъ, въ дикій адъ,
Гдѣ кипятъ и бурлятъ
Кровь и слезы, гдѣ отрады увядаютъ...

Лишь у насъ съ тобой ясна
Тишина, вся полна
Вѣчно-юными и нѣжными мечтами,
Радость намъ дана Судьбой,
И прибой намъ съ тобой
Не мѣшаетъ грезить ласковыми снами,

Не мѣшаетъ счастье пить,
И шутить, и любить,
И улыбкой гнать отъ душъ земное горе!
Подъ вѣтриломъ Красоты
Я и ты въ край Мечты
Уплываемъ черезъ жизненное море...

Тамъ цвѣты — какъ мотыльки,
И легкú, и яркú,
Тамъ лучи поютъ и ярко свѣтятъ звуки,
Тамъ житейской бури нѣтъ,
Тамъ привѣтъ, миръ и свѣтъ,
Нѣтъ ни злобы тамъ, ни горести, ни скуки!..

ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ.

Вершины горъ за моимъ окномъ,
А внизу блеститъ, журчитъ ручей,
Далекъ отъ всѣхъ и высокъ мой домъ,
И не слышно мнѣ людскихъ рѣчей.

Свободенъ я ото всѣхъ оковъ —
Суеты людской, вражды и зла;
Одинъ всегда, я — во власти сновъ,
На меня печать мечты легла..

Въ моей душѣ поселился смѣхъ,
И улыбокъ свѣтъ всегда со мной,
Воскресъ душой я вдали отъ всѣхъ,
Среди горъ нѣмыхъ найдя покой.

Мой ясенъ умъ, и мечты чисты,
Я безъ мукъ и слезъ живу въ тиши;
Далекій братъ! если боленъ ты
И душой усталъ — ко мнѣ спѣши!

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

Часто я брожу въ горахъ передъ разсвѣтомъ —
Лишь вдвоемъ съ знакомою мечтой...
Вѣтеръ душу мнѣ живитъ своимъ привѣтомъ,
Ночь даритъ безмолвія покой...

На скалѣ взмощусь, коврами мха покрытой,
Иль къ обрыву темному пойду,
Обернусь лицомъ къ долинѣ, мглой обвитой,
И какъ-будто все чего-то жду...

И какъ-будто жаль становится чего-то,
Что когда-то было близко мнѣ,
Что затмилось зломъ и будничной заботой,
Тѣнь чего неясна, какъ во снѣ...

Не вернуть назадъ прошедшаго, я знаю,
И жалѣть о прошлыхъ дняхъ смѣшно,
Но въ слезáхъ домой понуро я шагаю,
Хоть и блескомъ все вокругъ полно...

И въ тоскѣ моей не вижу я, что сзади,
Вся румянцемъ солнечнымъ горя,
Золотистыхъ косъ расчесываетъ пряди
Грéбнемъ горъ зазубренныхъ заря...

РАЗОЧАРОВАНIЕ.

Съ тоской гляжу вокругъ... на чемъ остановиться
Съ отрадой можно-бы — увы! не нахожу я.
Куда-то всѣ спѣшатъ, къ чему-то все стремится,
Но мракъ вездѣ царитъ, нахально торжествуя.

Весь мiръ лежитъ въ грязи, и жалокъ, и недуженъ,
Другъ друга всѣ гнетутъ, и кровь ручьями льется...
Кого мнѣ къ смѣху звать? онъ никому не нуженъ;
На громкiй мой призывъ никто не отзовется.

Мiръ полонъ не людей, а жалкихъ, злыхъ отродiй,
И каждый новый день обидой сердце ранитъ;
Напрасно ждетъ оно сверкающихъ мелодiй, —
Жизнь съ наглостью тупой лишь гаммы барабанитъ.

Куда ни поглядишь, вездѣ одно и то-же —
Нажива, нищета, нахальство, самовластье...
Наука такъ сильна, мы мудры такъ, — и что-же?
И что-же, это — жизнь? И что-же, это — счастье?..

ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНІЕ.

Я мало жилъ, но много видѣлъ,
Мечталъ, надѣялся и ждалъ,
Страдалъ, любилъ и ненавидѣлъ,
Молился, вѣрилъ и желалъ.

Казалось, осушилъ до дна я
Бокалъ, мнѣ налитый судьбой,
Но отчего-жъ душа больная
Чего-то ждетъ съ такой тоской?..

Мечты? но что́ мнѣ въ яркихъ краскахъ
Воздушныхъ замковъ и дворцовъ,
Въ невѣроятныхъ снахъ и сказкахъ
И безъ началъ и безъ концовъ?..

Надежды? сколько силъ уходитъ,
Чтобъ ихъ огонь въ душѣ не гасъ?..
А время мчится, жизнь проходитъ,
За мигомъ мигъ, за часомъ часъ!

Страдать? страданій тайныхъ жало
Ни мукъ, ни радостей уму
Не подаритъ ужъ, какъ бывало;
Я къ нимъ привыкъ, какъ ко всему!

Любить? кому-жъ любовь поэта
Въ нашъ вѣкъ практическій нужна?
Ей не найти ни въ комъ отвѣта,
Темна, скучна для всѣхъ она!

Отдаться ненависти къ міру
И къ людямъ? мирному пѣвцу
Пятнать свою святую лиру
Проклятій желчью — не къ лицу!

Молиться, вѣрить? утѣшенья
Душѣ молитва не даритъ,
Сжигаетъ душу ядъ сомнѣнья,
Который въ умъ мой горемъ влитъ...

Чего-жъ душа еще желаетъ?..
И, содрогаясь, слышу я,
Какъ кто-то въ сердцѣ отвѣчаетъ:
«Ей нуженъ миръ небытія»...

БЕЗСИЛІЕ.

Въ однообразьи темъ и въ узости укоры
Я слышу ото всѣхъ, и больно мнѣ отъ нихъ!
Въ душѣ всегда цвѣтутъ изъ яркихъ думъ узоры,
Но силъ не нахожу облечь ихъ въ звонкій стихъ.

Быть-можетъ, молодъ я; быть-можетъ, умъ мой боленъ;
Быть-можетъ, жизнь моя сложилась такъ темно,
Что яркихъ думъ полетъ какъ будто-бы и воленъ,
Но каждый взмахъ крыла проклятымъ связанъ «но».

О, это «но» — во всемъ! въ молитвѣ, въ пѣсняхъ,
въ смѣхѣ;
Вездѣ встрѣчаюсь съ нимъ, какъ-будто я рожденъ
Какимъ-то силамъ злымъ для дьявольской потѣхи,
И вѣчно къ свѣту рвусь — и къ мраку пригвожденъ!

Невиданныхъ цвѣтовъ такъ много въ сердцѣ зрѣетъ,
Но нѣтъ свободы имъ, ихъ выявить нѣтъ силъ;
Нужды и горя гнётъ надъ жизнью тяготѣетъ
И тяжестью своей мнѣ крылья придавилъ.

И вотъ, влачусь въ пыли, пока душа не сброситъ
Тоскливой жизни гнётъ... Кто можетъ мнѣ помочь?
Никто, никто! И силъ напрасно сердце проситъ;
Въ отвѣтъ — могилы тишь, вокругъ — нѣмая ночь!

ИЗЪ НАДГРОБНЫХЪ ПѢСНОПѢНІЙ.

Когда усну во гробѣ я,
Недвижимъ, нѣмъ и безъ дыханья,
О мнѣ въ минуту разставанья
Восплачьте, братья и друзья!

Еще вчера я жилъ средь васъ,
Не помышляя о кончинѣ!
Кто думать могъ изъ насъ, что нынѣ
Пробьетъ мой страшный, смертный часъ?..

И вотъ — я мертвъ, и домъ мой пустъ.
Прійдите-жъ, братья, на прощанье
Дать мнѣ послѣднее лобзанье,
Извѣдать холодъ мертвыхъ устъ.

Я отхожу къ Судьѣ, туда,
Гдѣ не найти лицепріятья,
Гдѣ всѣ предстанутъ безъ изъятья
Въ часъ грозный Божьяго суда,

Гдѣ блещетъ славою алтарь
Судьи надъ грѣшною землею,
Гдѣ всѣ равны передъ Судьею —
Богачъ и нищій, рабъ и царь.

Но, покидая жизнь, молю
Я объ одномъ васъ неустанно:
Молитесь, братья, непрестанно
За душу грѣшную мою,

Чтобъ, милосердіемъ одѣтъ,
Господь не ввергъ меня въ мученья,
Но допустилъ меня въ селенья,
Гдѣ Солнца Правды вѣчный свѣтъ!

ВЪ ЧАЩѢ.

Китайскій фонарикъ луны
Повѣшенъ на вѣткѣ изъ звѣздъ;
Задумчиво щелкаетъ дроздъ
Подъ сѣнью лѣсной тишины;

Чуть шепчутся листья дерёвъ,
Старинною тайной полны,
Но лунные блики ясны,
И ночи прозраченъ покровъ...

Я въ чащѣ лѣсной одинокъ,
Не слышно людскихъ голосовъ,
Я слушаю шопотъ листовъ,
Ласкаю я каждый цвѣтокъ...

Лѣсные плѣнительны сны,
Мнѣ близокъ ихъ тайный потокъ!
Ласкаетъ меня вѣтерокъ,
Вѣтвей поцѣлуи нѣжны,

Мнѣ птички щебечутъ изъ гнѣздъ,
А въ нѣдрахъ ночной вышины
Китайскій фонарикъ луны
Повѣшенъ на вѣткѣ изъ звѣздъ...

* * *

Намъ въ счастьи каждый день чудесенъ;
О счастьи некогда намъ пѣть.
Но, если кругъ печалей тѣсенъ,
Безъ пѣсенъ намъ труднѣй терпѣть:
Чѣмъ больше слезъ, тѣмъ больше пѣсенъ.

ПѢСНЯ МЕТЕЛИ.

Снѣжный, нѣжный пухъ взбиваетъ,
То вздымаетъ, то бросаетъ,
И свиститъ, и напѣваетъ
Бѣлокурая метель;
Изъ жемчужной пыли вьюжной
Стлать ей нужно для недужной
Для нѣмой Зимы постель.

Ужъ недолго злой старухѣ
Спать на пухѣ: мчатся слухи,
Что Весна идетъ, что сухи
Скоро будутъ всѣ луга,
Что кудряво встанутъ травы,
И лукаво всѣ дубравы
Сбросятъ снѣга жемчуга́.

Но Зима еще храбрится,
Вьюжно злится и грозится
Дикой бурей разразиться,
Гнетъ морозною рукой
Сосны, ели, и метели
Шлетъ, чтобъ трели ихъ звенѣли,
Навѣвая ей покой.

И метелей пѣсня льется
Въ полѣ вьется, въ стѣны бьется,
Въ ней то́ звѣря вой прорвется,
То плескъ волнъ, то сердца стукъ,
То мятежный, то небрежный,
То безбрежный, чистый, нѣжный,
Безконечно-нѣжный звукъ!..

Пой, свисти, метель ночная!
Удалая! снѣговая!
Пой всю ночь, не уставая,
Не смолкая не на мигъ,
Чтобъ всѣ звоны, свисты, стоны,
Всѣ уклоны, полутоны
Снѣжныхъ пѣсенъ я постигъ!

ВЕЧЕРНЯЯ БАЛЛАДА.

Склонилось Солнце. Ярый бой
Могучій Лѣсъ ведетъ съ Зарей;
Подъ градомъ алыхъ стрѣлъ Зари
Сомкнулись въ строй богатыри;

Зеленый блескъ броней, кольчугъ
Забрызганъ алой кровью вдругъ,
Но лѣсъ не клонитъ головы,
Вздымаетъ копья, булавы,

Мечи вѣтвей своихъ и ждетъ,
Когда на помощь Ночь придетъ.
А Ночь уже близка́, спѣшитъ,
На ворономъ конѣ летитъ,

Скрытъ шлемомъ-тучей гордый взоръ,
Въ рукѣ — созвѣздій шестопёръ,
Въ другой тяжелый лунный щитъ
Надъ міромъ блещетъ и грозитъ.

Она спѣшитъ. Она пришла,
И рать ея — тумановъ мгла —
Межъ Лѣсомъ встала и Зарей...
Близка побѣда. Тихнетъ бой.

Зарѣ конецъ, послѣдній лучъ
Она бросаетъ изъ-за тучъ
И угасаетъ... Грозный Лѣсъ
Изъ моря крови вновь воскресъ.

Богатырей-деревьевъ рядъ
Объемлетъ тихій Ночи взглядъ,
Во взглядѣ ласка и покой,
И сосны клонятся толпой,

Мечи свои бросаютъ прочь
И тихимъ гуломъ славятъ Ночь.
Потомъ смолкаетъ все вокругъ;
Не слышно звяканья кольчугъ,
Напѣва стрѣлъ, и деревá
Во мглѣ колышатся едва...
Какъ побѣдители Зари,
Спокойно спятъ богатыри,
И золоченый Ночи щитъ
Надъ ихъ вершинами горитъ...

БЫЛОЕ.

Вечеръ вешній. Вѣтра трепетъ;
Блескъ росинокъ средь травы;
Шорохъ, шелестъ, внятный лепетъ
Тихо-шепчущей листвы;

Рокотъ-ропотъ говорливый
Торопливыхъ струй ручья,
Трели, свисты, переливы
И раскаты соловья;

Лунный лучъ на колонадѣ,
Съ клумбы лилій ароматъ,
Павилика на оградѣ,
Стройныхъ сосенъ тѣсный рядъ;

За оградой — шопотъ сада,
У калитки — мы съ тобой.
Ласки тихая отрада,
Грезы, сумракъ и покой...

ОСЕННЕЕ.

Тучи угрюмыя — осени вѣстницы
Льютъ бѐзконечныя слезы тоскливыя,
Вдругъ превращая въ потоки бурливые
Горнаго города улицы-лѣстницы.

Цѣпью незримою съ осенью связаны,
Въ душу закрались мнѣ думы тяжелыя;
Лѣтнія пѣсни всѣ спѣты веселыя,
Сказки весеннія всѣ поразсказаны.

Холода зимняго, мрака томящаго
Сердце боится и полно смятенія...
Эхъ! кабы сонъ мнѣ, безъ грёзъ и волненія,
Сонъ до весенняго солнца живящаго.

НАДЪ МОРЕМЪ.

Рѣзкій, хлесткій, блесткій плескъ,
Брызгъ рѣзвящихся каскады,
И луны нѣмые взгляды,
И звѣзды вечерней блескъ,

Шелестящихъ сосенъ сѣнь,
Тѣни синія утесовъ...
Ни волненья, ни вопросовъ,
Миръ въ душѣ, и свѣтъ, и лѣнь...

Сколько въ прошломъ было слёзъ,
Муки, злобы, лжи и горя, —
Легковѣйный вѣтеръ съ моря
Все развѣялъ, все унёсъ...

ОСЕНЬЮ.

Вечерняя лазурь, какъ блюдо изъ эмали,
Упала въ гладь рѣки, уснувшей межъ березъ,
Что, скорбно наклонясь, въ безмолвіи печали
Роняютъ мѣдь листовъ въ прозрачно-синій плёсъ.

Склоняяся челомъ надъ звонкою осóкой,
Лазурную эмаль изъ рѣчки пьетъ луна,
А изъ лѣсу во мглѣ, какъ въ мантіи широкой,
Слѣпую Ночь ведетъ сѣдая Тишина.

Природа вся больна осенней тяжкой хворью, —
Заржавѣла трава, прозрачна сѣть кустовъ,
И, какъ скелетовъ рядъ, торчатъ по мелкогорью
Угрюмые стволы безлиственныхъ деревъ.

Осенняя болѣзнь души моей коснулась,
И ночи красота мнѣ больше не милá,
И спавшая въ душѣ тоска опять проснулась
И думы и мечты какъ крэпомъ обвила...

РАННЯЯ ВЕСНА.

Набухли почки. Страстей Недѣля.
Вчера въ лѣсочкѣ грачи шумѣли.
Ужъ вѣтеръ стонетъ въ тоскѣ нездѣшней, —
Зиму хоронитъ въ истомѣ вешней.
Въ лѣсу валежникъ стряхаетъ иней,
Расцвѣлъ подснѣжникъ лукаво-синій.
Ледъ снялся съ рѣчки. Всѣ люди въ храмахъ, —
Мерцаютъ свѣчки въ открытыхъ рамахъ,
Сзываетъ грѣшныхъ гулъ колоколенъ.
Въ окраскахъ нѣжныхъ закатъ раздоленъ.
Въ закатномъ свѣтѣ зовъ покаянья
Вплетаетъ вѣтеръ въ свои рыданья.

ЗОВЪ ВѢТРА.

Ночь сошла; поползла
Сѣро-синяя мгла
И легла надъ полями;
Вѣтеръ спрыгнулъ съ темнѣющихъ скалъ,
Напѣвая, нырнулъ межъ домами,
Мнѣ тихонько въ окно постучалъ,
Поигралъ со скрипящею ставней
И запѣлъ-засвисталъ соловьемъ:
— Выходи ко мнѣ! Вмѣстѣ споемъ!
Я — твой другъ, я товарищъ твой давній!..

Я пѣвучъ и летучъ,
Воленъ я и могучъ, —
Я изъ тучъ, какъ изъ глины,
Вылѣпляю дворцы и цвѣты,
Составляю живыя картины,
Что полны красоты и мечты,
Разношу я мелодіи пѣсенъ
И цвѣтовъ полевыхъ ароматъ,
Я лучами и снами богатъ,
Мой полетъ такъ высокъ и чудесенъ!..

Я — лихой, но не злой!
Хочешь взвиться со мной
Надъ землей усыпленной? —
Облетимъ мы съ тобою весь свѣтъ
Звѣздъ послушаемъ хоръ отдаленный, —
Каждый звукъ въ немъ горитъ... О, поэтъ!
Ты всѣ пѣсни земныя забудешь,
Ты научишься звукамъ инымъ,
И великимъ поэтомъ земнымъ
Съ неземными ты пѣснями будешь!

КАВКАЗЪ.

Отроги грозныхъ скалъ, обрывы и хребты
Изъ-за туманной мглы встаютъ передо мною,
Окаменѣлою гигантскою волною
Ударивъ въ синій сводъ небесной высоты.

Какъ пѣна волнъ, лѣса́, и тёмны, и густы,
На гребняхъ высятся короною рѣзною,
А выше расцвѣли, какъ яблони весною,
Кудрявыхъ облаковъ пушистые кусты.

Какъ думы здѣсь порывисто-интимны!
Здѣсь Лермонтовъ слагалъ свои Кавказу гимны
И яркихъ образовъ для думъ своихъ искалъ,

И, гордость позабывъ, въ оковахъ увлеченья,
Томился Демонъ здѣсь, въ ажурныхъ тѣняхъ скалъ,
Извѣдавъ боль любви и первыхъ слезъ мученья.

НАДЪ РѢКОЙ.

Въ голубомъ небесномъ каминѣ
Догораютъ зари угольки,
Разбросавъ въ темнѣющей синѣ
Искры яркія — звѣздъ огоньки.

День угасъ, и міръ встрепенулся,
Радъ вздохнуть отъ томящей жары,
Соловей съ прохладой проснулся,
Затрубили кругомъ комары;

Понесло изъ лѣса грибами,
И съ рѣки потянулъ холодокъ,
Дикій гусь пронесся надъ нами
И спустился къ водѣ на песокъ;

Вотъ еще какая-то птица
Надъ рѣкой молчаливой паритъ,
Чу! въ рѣкѣ всплеснулась плотица,
И кругами поверхность рябитъ.

Хорошо надъ рѣчкой нѣмою
Умирающій день провожать, —
Поболтать, поспорить съ тобою,
И вдвоемъ помечтать, помолчать!..

Соловей поетъ на опушкѣ,
Надъ водою стрекозы журчатъ,
И зовутъ на берегъ лягушки
Изъ воды серебристыхъ наядъ, —

Этотъ хоръ знакомъ и пріятенъ,
Какъ и блескъ этихъ звѣздъ съ вышины,
Какъ игра измѣнчивыхъ пятенъ,
Порожденныхъ лучами луны!

Намъ съ тобой припомнилось дѣтство, —
Рѣзвыхъ шалостей, дружбы и ссоръ,
Милыхъ тайнъ любви и кокетства
Передъ нами проходитъ узоръ...

Все прошло, что было такъ мило,
И что есть — то навѣкъ уплыветъ,
Какъ цвѣтокъ, что ты опустила
Въ лоно быстрыхъ, сіяющихъ водъ!

МОРЕ И ЛУНА.

Вдоль по небеснымъ пучинамъ безбрежнымъ
Мчится въ ночной тишинѣ
Облачко бѣлое Лебедемъ нѣжнымъ
Къ Ледѣ прекрасной — Лунѣ.

Вотъ, донеслось, и въ объятіяхъ скрылась
Леда отъ взоровъ земныхъ;
Тьма надъ землею мгновенно сгустилась,
Вѣтеръ смущенно затихъ.

Смотритъ ревниво бурливое море
Въ бархатный неба альковъ,
Силясь прочесть въ многозвѣздномъ узорѣ
Тайны божественныхъ сновъ;

Тщетно валы оно мчитъ и вздымаетъ,
Силясь достичь до небесъ,
Гдѣ сокровенный цвѣтокъ расцвѣтаетъ
Страстныхъ любовныхъ чудесъ, —

Гнѣвно бросаются волны на стѣну
Дикихъ прибрежныхъ камней,
Но разсыпаются въ брызги и пѣну
Съ воемъ безсильнымъ подъ ней...

ТОСКА ПО ПРИРОДѢ.

Мнѣ чужды уличные звуки,
Я не люблю толпы людской:
Они рождаютъ холодъ скуки
И мысли, полныя тоской.

Меня тревожатъ тучи пыли,
Блескъ отъ витринъ и фонарей,
Пролетокъ стукъ, автомобили,
Шаги, слова и смѣхъ людей.

Домá мнѣ небо заслоняютъ,
Листву деревъ и ширь луговъ;
Меня гнетутъ, мнѣ жить мѣшаютъ
Домá шумливыхъ городовъ.

Я не могу смотрѣть безъ злобы
На пошлый блескъ людскихъ затѣй,
На эти каменные гробы,
Съ рядами оконъ и дверей.

Въ своихъ мечтахъ неутомимыхъ
Я жажду дѣвственныхъ лѣсовъ,
Хочу степей необозримыхъ,
Хочу морей безъ береговъ,

Хочу простора небосвода,
Высокихъ горъ, бурливыхъ рѣкъ;
Хочу туда, гдѣ царь — Природа,
А не бездушный человѣкъ!

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Привѣтомъ солнца поля разбужены,
И вѣтеръ прыгаетъ, дыша весельемъ,
И нѣжныхъ тучекъ блестятъ жемчужины,
Синь опоясавши, какъ ожерельемъ.

Трава къ востоку склонилась съ трепетомъ,
И листьевъ шорохи, и рѣчки ропотъ, —
Все Бога славитъ отраднымъ лепетомъ,
Все шлетъ къ Создателю молебный шопотъ...

И я молюся въ экстазѣ сладостномъ:
Дай быть мнѣ, Господи, какъ утро — яркимъ,
Какъ листья — чуткимъ, какъ вѣтеръ —
радостнымъ,
Какъ тучки — красочнымъ, какъ солнце — жаркимъ!

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Солнце жгуче. Гонитъ тучи
Въ даль, за кручи, на востокъ
И летучій, и пѣвучій,
И пахучій вѣтерокъ.

Спрыснулъ тра́вы для забавы
Дождь, лукавый гость весны,
Всѣ дубравы такъ кудрявы,
Всѣ канавы такъ полны.

Заблестѣли иглы ели,
Посвѣжѣли вѣтви ивъ,
Птичьи трели зазвенѣли,
Какъ свирѣли переливъ.

На тропинкѣ ни пылинки,
Всѣ песчинки прилегли
И дождинки, какъ росинки,
Гнутъ былинки до земли...

ВЪ ЛѢСУ.

Какъ глубока лазурь небесъ!
Какъ ярки солнечные блики!
Какъ свѣжъ, недавно — сѣрый, дикій,
Теперь — кудрявый, яркій лѣсъ!

Какъ въ алтарѣ мы здѣсь стоимъ;
Вокругъ березъ прямыя свѣчки,
А тамъ — туманъ надъ гладью рѣчки,
Какъ голубой кадильный дымъ...

Смотри, ужъ ризы изъ цвѣтовъ
Кусты шиповника надѣли,
Въ зеленыхъ рясахъ йдутъ ели
Между колоннами стволовъ!..

О, не ходи туда, впередъ,
Склонись смиренно у порога!
Здѣсь каждый листикъ славитъ Бога,
Творцу Природа гимнъ поетъ...

Намъ такъ отрадно здѣсь съ тобой,
Намъ дрожь молитвъ лѣсныхъ понятна,
И мы свѣтлы, какъ солнца пятна
Въ листвѣ у насъ надъ головой!

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ.

Подошла къ моей двери, сказала:
«Ахъ, какая прелестная ночь!»
Помолчала, вздохнула устало
И ушла, непонятная, прочь...

Я взглянулъ: за холоднымъ окошкомъ
Разостлала зима пелены,
И бѣжитъ по искристымъ дорожкамъ
Блѣдный пажъ королевы Луны.

Онъ бѣжитъ и алмазы бросаетъ
И бросаетъ вокругъ жемчуга, —
Словно блесткій коверъ постилаетъ
Шаловливой рукой на снѣга́.

Хорошо! И душа моя рада! —
Но не блёсткамъ холоднымъ Луны, —
Всѣ надежды ея, вся отрада,
Всѣ мечтанья — тебѣ отданы!

Ты ушла, ты сказала такъ мало,
Но затеплилось сердце во мнѣ
И лазурнымъ огнемъ замерцало —
Какъ нѣмые снѣга при лунѣ!

ДРУГУ.

Мы встрѣтились, другъ, не средь шумнаго бала,
Но такъ-же нежданно, но такъ-же случайно,
Мы были другъ другу такъ чужды сначала,
Но жизнь насъ связала неслышно и тайно.

Въ вашъ домъ я явился, гонимый судьбою,
Меня вы не знали, не ждали, не звали,
И вотъ — повстрѣчались мы въ жизни съ тобою,
Ты — въ свѣтѣ любви, я — въ туманѣ печали.

Ты всею душою любила другого,
Меня всѣхъ любимыхъ дни злобы лишили;
Въ любви и страданіи общаго много:
Любовь и тоска насъ съ тобою сроднили.

Сначала неясно, сначала въ намёкахъ,
Въ минутныхъ порывахъ любовь укрывалась
Въ двухъ душахъ другъ другу родныхъ, но далекихъ,
Но съ каждой минутою все разгоралась.

Съ тобой забывалъ я былыя печали,
Тебѣ отдаваясь мечтами навѣки,
Со мной въ моемъ сердцѣ мечты угасали
О прежде-любимомъ другомъ человѣкѣ.

Жестоко мѣшали намъ люди сначала,
Любовь наша часто обиды терпѣла,
Порой намъ и горько, и больно бывало,
Но были мы тверды, и бодры, и смѣлы.

И вотъ, съ каждымъ днемъ наши души все ближе,
Съ тобой воедино мы слиты судьбою!
Я твой навсегда, мое солнце! Прими-же
И этотъ мой стихъ, вдохновленный тобою!

Прими и запомни: всегда и повсюду, —
Въ великой-ли радости, въ тяжкомъ-ли горѣ, —
Какъ прежде, какъ нынче, любить тебя буду
Великой любовью, широкой, какъ море!

ДОЧКА.

Родилась въ Севастополѣ, выростала на Ха́лки
Наша дочка походная, наша юная бѣженка, —
Съ пухлымъ пурпурнымъ ротикомъ и глазами русалки,
Шаловливо-капризная и пискливая нѣженка.

Будетъ бойкая дѣвочка, — и теперь уже видно:
Всѣми силами борется и воюетъ съ пеленками,
Заключенье въ конвертикѣ ей до боли обидно
И она выбирается, упираясь ноженками.

Любитъ свистъ — какъ разбойница, любитъ качку
— какъ чайка,
Грудь сосетъ — какъ піявочка, — цѣлый часъ
наслаждается,
А то — вдругъ замечтается, и — поди-ка, узнай-ка,
Что въ душѣ ея маленькой въ этотъ мигъ
совершается? —

Глазки вдругъ округляются и глядятъ въ одну точку,
Губки вдругъ раскрываются, словно шепчутъ
моленіе...
Пусть Господь сохраняетъ намъ нашу милую дочку —
Нашу радость въ изгнаніи и въ скорбяхъ утѣшеніе!

У МОРЯ.

Небо тёмно-сине, волны безпокойны,
Скалы разноцвѣтны, брызги — какъ кристаллъ,
Все слилось въ красивый и могуче-стройный,
Славящій Природу и Мечту хоралъ.

Чайки съ крикомъ рѣютъ, чуть замѣтной точкой
Серебрится парусъ въ дáли голубой...
Мы съ тобой у моря съ маленькою дочкой, —
Дочкины пеленки моетъ намъ прибой.

То взметнетъ ихъ кверху, то опуститъ снова,
Камешками больно броситъ въ ноги намъ,
Вытащитъ крабенка прямо съ дна морского
И, смѣясь, умчится по цвѣтнымъ камня́мъ.

Дочка, разметавшись, спитъ въ тѣни утесовъ
На червонно-желтомъ бисерѣ песка...
Отдыхаетъ сердце отъ земныхъ вопросовъ,
И поютъ надежды, и молчитъ тоска...

ПѢСНЯ.

Ночь полна волшебной сказкой,
А душа полна лучей;
Милый взглядъ твой свѣтитъ лаской,
И рука — въ рукѣ моей.

Чуть скользитъ, нашъ челнъ, качаясь,
Парусъ убранъ, вѣтеръ стихъ;
Звѣзды блещутъ, отражаясь
Въ спящей глади волнъ морскихъ.

Въ сердцѣ нѣтъ ни капли горя,
И вливаютъ свѣтъ въ него
Звѣзды съ неба, звѣзды съ моря,
Звѣзды взгляда твоего!

ВЪ КАМЫШАХЪ.

Черезъ вешній садъ, межъ вишенъ,
Шарфомъ шелковымъ шурша,
Ходишь ты къ ручью, гдѣ слышенъ
Шелестъ — шопотъ камыша.

Заберусь въ камышъ шуршащій
И тебя тамъ буду ждать,
Чтобы рѣчью шелестящей
На ушко тебѣ шептать...

Не нарушу шумомъ чуткой
Тишины твоей души,
Шаловливой пѣсней, шуткой
Не встревожу камыши.

Но любви слуга послушный,
Не сдержусь и, чуть дыша,
Поцѣлуй тебѣ воздушный
Вдругъ пошлю изъ камыша.

ИЗЪ ХАФИЗА.

Я тебѣ говорилъ: Приходи —
Я тебѣ разскажу о тоскѣ,
О печали томящемъ цвѣткѣ,
Что цвѣтетъ въ наболѣвшей груди.

Ты пришла... Что-жъ тебѣ я скажу? —
Ты пришла, — и тоски уже нѣтъ,
И въ груди у меня — только свѣтъ,
Только свѣтъ я въ душѣ нахожу!..

ГЛИЦИНІИ.

Цвѣтутъ глициніи! Цвѣтутъ глициніи!
Ихъ запахъ — пѣсня Красоты.
Заботно-ласково надъ ними пиніи
Простерли хвойные зонты.

Цвѣтутъ глициніи! цвѣтутъ глициніи!
Цвѣты ихъ — нѣжныя мечты,
Цвѣты туманные, поблекло-синіе,
Весны зовущіе цвѣты.

Въ душѣ проснувшейся цвѣтутъ глициніи,
Душа полна весны чудесъ,
И радъ задумчивой весенней сини я
Прозрачно-ласковыхъ небесъ.

Иди гулять туда, подъ эти пиніи!
Меня съ собою позови,
Пусть ярче, красочнѣй цвѣтутъ глициніи
Отъ нашей ласковой любви!

ВЪ БЛАГОВѢЩЕНЬЕ.

Я сердце въ темницахъ разсудка
Въ осенніе дни заковалъ,
Но споритъ съ Весною — не шутка, —
Весной я его не сдержалъ.

Весной, въ Благовѣщенье, въ мартѣ,
Ты встрѣтилась гдѣ-то со мной,
И мнѣ доказала въ азартѣ,
Что глупо бороться съ Весной.

Сказала, что ты отпустила
Всѣхъ птицъ своихъ въ Праздникъ Весны,
И гнѣвомъ своимъ пригрозила,
Хоть глазки и были ясны.

Послушно открылъ я всѣ дверцы
Холодныхъ разсудка темницъ
И выпустилъ плѣнное сердце,
Какъ ты — своихъ плѣнниковъ-птицъ...

Но что-же изъ этого стало? —
Ты дерзко меня провела, —
Ты сердце, какъ птичку, поймала
И въ плѣнъ навсегда забрала!..

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

Съ воемъ вьюга злая
Бьетъ въ стекло окна...
— Что съ тобой, родная?
Что ты такъ грустна?

Пусть февраль тамъ злится!
Слышу я, повѣрь,
Какъ Весна стучится
Съ теплымъ мартомъ въ дверь.

Кончится ненастье,
Только погоди!
Было-бы лишь счастье,
Дни-же впереди!

*ВЪ АЛЬБОМЪ * * *.*

Вы на ласточку похожи легкокрылую,
Быстролетную, живую, вѣчно-милую.
Точно ласточка, вы живы и кокетливы,
Вѣчно-радостны, ко всѣмъ равно привѣтливы.
Выше ласточекъ въ мечтахъ вы улетаете,
А къ кому несутъ мечты васъ, вы не знаете.

Вы на свѣтѣ мало жили, почти нé жили,
Вашу душу только дѣтства грёзы нѣжили,
Въ ваши годы бурь житейскихъ не встрѣчается,
Въ ваши годы жизнь свѣтла и улыбается.

Стать большою не хочу желать я вамъ,
Быть большою — смерть улыбкамъ и мечтамъ,
Взрослымъ въ жизни счастья рѣдко блещетъ свѣтъ,
Но зато такъ много горестей и бѣдъ...
Погодите, не спѣшите выростать,
Не спѣшите думать, чувствовать, желать,
Оставайтесь милой дѣвочкой пока,
Свѣжей, стройной и кокетливой слегка.

Васъ такой никакъ нельзя не полюбить,
Если съ вами хоть минуточку побыть!
Оттого всѣ и любуются на васъ,
Что милы всѣмъ огоньки веселыхъ глазъ,
Ваши дѣтскія движенья и слова
И въ пушистыхъ завитушкахъ голова!

*КЪ * * *.*

Прямая, стройная, со строгими чертами,
Съ улыбкой странною въ углахъ сомкнутыхъ устъ,
Вы въ храмѣ молитесь порою между нами,
И храмъ, когда Васъ нѣтъ, для многихъ странно-
пустъ...
Что въ глуби Вашихъ глазъ? — ихъ взгляды такъ
бездонны,
Ночная тѣнь-ли въ нихъ, иль утра свѣтъ и синь,
Но вѣетъ мнѣ отъ нихъ спокойствіемъ Мадонны,
Душевной ясностью подвижницъ-инокинь...
Скорбите-ль Вы о чемъ, полны-ли Вы тоскою,
Воспоминанья-ли тревожатъ Васъ порою, —
То мнѣ невѣдомо, но я молюсь за Васъ...
Примите этотъ стихъ и не судите строго.
О васъ я думаю всегда, какъ и сейчасъ;
Я мало знаю Васъ, но я люблю Васъ много.

СОНЪ.

Мнѣ снился милый сонъ. Далекая луна
Свой блѣдный поцѣлуй мнѣ съ неба посылала,
И въ комнатѣ цвѣли и тьма и тишина,
И мнѣ мечта моя съ улыбкой рисовала
Твой тонкій силуэтъ у синяго окна...

Тамъ, за окномъ, вверху, какъ искры отъ костра,
Ночь разсыпала звѣздъ нѣмые миріады,
Манила ночь къ себѣ, загадочно-остра,
И стали близки мнѣ небесъ далекихъ взгляды,
И показалось мнѣ, что ты — моя сестра...

Я былъ безъ силъ въ тотъ часъ въ своемъ тяжеломъ снѣ;
Подняться я не могъ, чтобъ быть къ тебѣ поближе;
Я видѣлъ профиль твой задумчивый въ окнѣ
И прошепталъ тебѣ: Сестра моя, приди-же!
И ты услышала, и ты пришла ко мнѣ...

О, близость глазъ твоихъ! о, нѣжность милыхъ рукъ!
Ты головы моей коснулась съ тихой лаской,
И былъ твоихъ рѣчей мнѣ такъ отраденъ звукъ,
Что показалась жизнь сверкающею сказкой,
Въ которой, какъ въ огнѣ, растаялъ мой недугъ...

И разступился вдругъ предъ нами сонмъ тѣнéй,
Развѣянный твоимъ лучисто-нѣжнымъ взглядомъ,
И стала радость мнѣ понятнѣй и свѣтлѣй,
И въ старомъ креслѣ я сидѣлъ съ тобою рядомъ,
Съ тобой, желанная сестра души моей!..

И свѣтелъ сумракъ былъ, и пѣла намъ луна,
И мы дѣлились всѣмъ, что жило въ сердцѣ тайно,
И ласковымъ рѣчамъ внимала тишина,
И мы не вѣдали, что это все случайно,
Что это все миражъ обманчиваго сна!

НА НОВОЙ ДОРОГѢ.

Прости, мой грустный другъ, прощай!
Не мучь меня своимъ призывомъ
И лаской глазъ не зажигай
Мечты о времени счастливомъ.

Промчались дни, когда душа
Моя родной души искала,
Желать и чувствовать спѣша,
Надѣясь жизнь начать сначала.

Прошли тѣ дни. Ужъ я не тотъ,
Ужъ не къ мечтѣ моя дорога
Въ степи мірской меня ведетъ,
А въ край, гдѣ слезъ и горя много..

Я не жалѣю прошлыхъ дней;
Пусть счастье въ вѣчность отлетѣло!
За Музой блѣдною моей
Въ нѣмую даль иду я смѣло.

Иду, куда моя стезя
Ведетъ меня неумолимо;
Мнѣ завернуть къ тебѣ нельзя,
Но безъ тоски пройду я мимо!

*ВЪ АЛЬБОМЪ * * **

Какъ мчится въ полдень лань напиться
Къ потоку, такъ моя душа
Не устаетъ къ тебѣ стремиться,
Пить ласку словъ твоихъ спѣша.

Но, знаешь, лань воды напьется
И мчится далѣе она,
Моя-жъ душа не оторвется
Пока не выпьетъ ласкъ до дна!

ПРИЗРАКЪ.

Немало дней о томъ скорбя,
Что жизнь твоя течетъ безславно,
Что злобы тьма гнететъ тебя,
Я разгадалъ тебя недавно.

Я понялъ вдругъ: ты — тѣнь чужихъ
Надеждъ, мечтаній, думъ, страданій,
И нѣтъ въ тебѣ ни грезъ своихъ,
Ни чувствъ, ни взглядовъ, ни желаній.

Ты —сборникъ вырванныхъ листовъ
Изъ сотни книгъ, во всемъ различныхъ;
Ты — узелъ, связанный изъ словъ,
Тебѣ чужихъ и непривычныхъ.

Обманчивъ твой кипящій видъ,
Ты даже въ страсти неподвижна,
Твой смѣхъ надуманно звучитъ,
Любовь твоя темна и книжна;

Въ любви готова ты страдать
Дойти до крайняго обмана,
Чтобъ героинѣ подражать
Тобой прочтеннаго романа.

Скажу еще, что обликъ свой
Смѣнять умѣешь ты въ мгновенье,
Что словъ твоихъ потокъ живой —
Намековъ мучащихъ сплетенье.

Скажу, предъ правдой не грѣша,
Что даже скорбь твоя подложна,
И, если есть въ тебѣ душа,
Она пуста или ничтожна!

ВОЗВРАТЪ.

Къ тебѣ, далекой, но все родной,
Но все желанной, я стремлюсь!
Мечтой усталой, душой больной
Тебѣ, какъ прежде, предаюсь!

Забудь мгновенье, когда я вдругъ
Тебя покинулъ, чтобъ найти
Дорогу къ славѣ... Прости мнѣ, другъ!
Усталъ и сбился я съ пути.

Въ житейскихъ битвахъ я растерялъ
Свои всѣ силы и мечты,
Но не нашелъ я, чего искалъ,
И рвусь къ тебѣ изъ темноты . . .

Гонимы бурей, такъ корабли
Спѣшатъ къ отчизнѣ повернуть,
Забывъ о блескѣ чужой земли
Что ихъ взманила въ дальній путь.

ИВАНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ П.

(сонетъ.)

Расплавивъ золото, берутъ его изъ горна,
Струею въ формы льютъ сверкающій металлъ,
И жидкость стынетъ тамъ, изгибамъ формъ покорна,
Преобразуясь въ нихъ, то въ перстень, то въ бокалъ.

Но въ форму мысль облечь труднѣй, — она упорна,
Расплавить нелегко ея живой кристаллъ,
Она всегда вольна, причудлива, узорна,
Какъ пѣна бурныхъ волнъ, какъ пламя и кораллъ.

Струю мятежныхъ думъ вливалъ я въ формы пѣсенъ,
Но формы гнулъ и рвалъ безудержный потокъ,
Какъ вешнихъ грозъ порывъ, свободенъ и чудесенъ.

Мечтамъ преграды нѣтъ, традицій кругъ имъ тѣсенъ,
И, какъ изъ-подо льда — подснѣжника цвѣтокъ,
Онѣ встаютъ въ стихахъ, ломая формы строкъ.

ЕВГЕНІЮ ФРАНЦОВИЧУ Ш.

(сонетъ.)

Ребенкомъ я любилъ сбирать въ лугахъ цвѣты
И рвалъ ихъ всѣ подрядъ, не различая,
И каждый для меня былъ пóлонъ красоты —
Фіалка, тминъ и шишка молочая...

На зóвы грезъ стихами отвѣчая,
Я юношей вносилъ въ тетрадь свои мечты
Рядами мѣрныхъ строкъ, не замѣчая,
Что многія темны, что многія пусты...

Я Васъ благодарю за то, что отличать
Живую мысль отъ ветоши и гнили,
И явь отъ сновъ меня Вы научили,

Какъ, много лѣтъ назадъ, меня учила мать
Съ куриной слѣпотой не путать павилики,
Съ дурманомъ не мѣшать фіалки и гвоздики...

„НЕОПОЭТУ".

Да, Богъ вѣнчалъ тебя вѣнцомъ,
Вѣнцомъ — цѣннѣй и ярче злата,
Нарекъ пророкомъ и пѣвцомъ
И одарилъ тебя богато
Живымъ огнемъ крылатыхъ словъ,
Фантазій звучныхъ, яркихъ сновъ...

Но блескъ вѣнца ты заслонилъ
Уборомъ пестрымъ съ бубенцами,
Кривляньемъ титулъ свой затмилъ
И пѣсни — пошлыми словами,
И, осквернивши Божій даръ,
Ужъ не пророкъ ты, а фигляръ!

СОВРЕМЕННОМУ ПІИТѢ.

Напрасно Далевскій словарь неутомимо
Ты изучалъ до тонкостей большихъ ,—
Съ прсзрѣніемъ проходитъ Муза мимо
Твоихъ стиховъ напыщенно-пустыхъ.

Тѣнь Тредьяковскаго тебя усыновила,
Піитою изъ гроба нарекла,
Въ твои стихи тумана напустила
И въ жертву рѣчь родную обрекла.

КРИТИКА.

Вы написали намъ къ Любви призывъ святой
И революціи солдатскій очеркъ.
Какой въ поэмѣ вашей слогъ живой!
Какой у васъ великолѣпный почеркъ!

Картины яркія, но мало крови въ нихъ;
Теперь на нервы намъ лишь кровь вліяетъ!
Побольше крови влейте въ каждый стихъ,
Пусть каждый стихъ за сердце всѣхъ хватаетъ!

Ругательства солдатъ насъ могутъ оскорбить,
Читая ихъ, всѣ морщатся брезгливо!
Нельзя-ль солдатъ заставить говорить
Почтительно, изящно и красиво?

Потомъ, не слишкомъ-ли ужъ кротокъ вашъ
Христосъ?
Не слишкомъ-ли въ Немъ много снисхожденья?..
Критерій вашъ для насъ еще вопросъ,
Но почеркъ вашъ — ну, прямо, заглядѣнье!

БЕЗЪ ХРИСТА.

Часть I — На фронтѣ.
Часть II — Дóма.
Часть III — Кто идетъ?

Безъ Христа.

„Такъ идутъ державнымъ шагомъ . . .
„Позади — голодный песъ,
„Впереди — съ кровавымъ флагомъ,
„И за вьюгой невидимъ,
„И отъ пули невредимъ,
„Нѣжной поступью надвьюжной,
„Снѣжной россыпью жемчужной,
„Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ —
„Впереди — Исусъ Христосъ.

А. Блокъ. Двѣнадцать.

I. На фронтѣ.

1. «Безъ перемѣнъ».

Зима текла «безъ перемѣнъ»;
Скучали, мерзли, голодали.
Плакаты нѣмцы выставляли:
«Войнѣ конецъ. Сдавайтесь въ плѣнъ».
Полки въ бездѣльи пріустали
Отъ грязи, вшей и сухарей;
— Хоть наступленье-бы скорѣй! —
Въ окопахъ часто толковали,
— Или ужъ миръ-бы заключить!
Чего-же даромъ насъ томить?
Чай, дома тоже ждетъ работа! —
Почти у всѣхъ прошла охота
Войну съ «германомъ» продолжать,

А тутъ и масла подливать
Въ огонь откуда-то явились
Лихіе люди, — рѣчь вели
Насчетъ свободы и земли
И звали къ бунту... Становились
Мрачнѣй солдаты съ каждымъ днемъ;
Ужъ ихъ сердца палилъ огнемъ
Страстей и злобы скрытый ядъ...
А изъ Россіи все летятъ
Нелѣпые, больные слухи,
Слоны растутъ изъ малой мухи
И сѣютъ ненависть въ сердцахъ:
— Мы ходимъ въ рваныхъ сапогахъ,
У насъ здѣсь черви въ сухаряхъ,
А тамъ жируютъ, веселятся!.. —
И страшно было мнѣ встрѣчаться
Съ глазами злобными солдатъ...
А слухи все летятъ, летятъ...

2. Въ окопахъ.

Изъ Петрограда слухъ: возсталъ
Тамъ гарнизонъ, и власть забралъ
Какой-то Думскій Комитетъ,
А войскъ для усмиренья нѣтъ,
И съ фронта взять ихъ приказали.
Весь этотъ день въ бригадѣ ждали,
Что насъ отправятъ, можетъ-быть,
Мятежъ въ началѣ прекратить.
Въ окопахъ глухо волновались,
И до полночи раздавались
Сужденья громкія солдатъ.
— Пойдемъ, ребята, въ Петроградъ;

Тамъ, говорятъ, жиды бунтуютъ...
— Да, нѣтъ, рабочіе бастуютъ...
— Чего-жъ они? — Да хлѣба нѣтъ...
— Товарищи! ужъ сотни лѣтъ
Терпѣлъ народъ у насъ напасти
Отъ распроклятой царской власти!
Свободы близокъ свѣтлый часъ!
Кто не за насъ — тотъ противъ насъ!..
— А вы-то сами кто такіе?
— А мы бойцы передовые
Великой арміи труда!
Всѣхъ насъ заѣли господа,
И время намъ освободиться!..
— Эй! не мели, братъ! Не годится
На фронтѣ головы мутить...
— Ужъ не пойдешь-ли доносить?..
— Мели, да знай и честь, Емеля!
Вотъ, кликну вахмистра сейчасъ,
Онъ-те свободу-то задастъ!
— А слышно, вотъ уже недѣля,
Неладно что-то тамъ въ Расеѣ...
— Эхъ, все жидовскія затѣи!
Съ жидовъ и бунты всѣ идутъ...
Чай, нѣтъ у нихъ о насъ печали;
Какъ за гроши Христа продали,
Теперь Расею продаютъ!
— Ну, не въ жидахъ тутъ, братецъ, дѣло!
Начальство больно насъ заѣло!..
— Ништó! за все дадутъ отвѣтъ,
Что противъ Бога согрѣшили...
— Въ Расеѣ, братцы, Бога нѣтъ,
Его Распутинымъ смѣнили!

3. Первыя вѣсти.

— Все, говорятъ, Вильгельмъ чудитъ;
Онъ революцію хотитъ
Въ Расеѣ сдѣлать, чтобъ ему
Способнѣй стало самому
Французовъ съ Англичанкой вздуть...
— Расею, братцы, не надуть!
Поди-кось! сами мы съ усами!
Покончимъ живо съ бунтарями,
А тамъ опять придемъ сюда;
Держитесь, нѣмчики, тогда!..
— Ну, нѣмцевъ ты не задѣвай;
Они теперь у баръ въ почетѣ, —
Сама Царица, — слышалъ, чай?..
— А нынче здѣсь, въ саперной ротѣ
Газеты были... Петроградъ
Третёвось бунтарями взятъ...
Министровъ всѣхъ переловили,
Въ острогъ Царицу посадили —
Не лучше бабы деревенской!..
А генералъ у нихъ — Керенской...
— Жидюга, видно! — Не поймешь,
Да толкомъ я и не вчитался...
— Да ты, товарищъ, можетъ, врешь?
Куда-же Царь-то нашъ дѣвался?
— На фронтѣ онъ, сердечный, былъ,
А жидъ дворецъ и захватилъ,
Спитъ на постели государской
И жретъ, подлецъ, съ посуды царской...
— Такъ, знать, царемъ и будетъ жидъ?
— Ну, тамъ начальство ужъ рѣшитъ,
Кому теперь владѣть-то нами;
Имъ не впервой вертѣть царями!

— У насъ начальство первый сортъ;
Ему — хоть жидъ, хоть самый чортъ,
Награды только-бы давали,
Да больше денегъ отсыпали...
— Ну, замололъ свое, болванъ!
Ужъ помолчалъ-бы, коли пьянъ!..

4. «*Попили нашей кровушки!*»

— Ребята! полно вамъ горланить!
Эй, расходитесь по мѣстамъ!..
— Корнетъ!.. — Ишь, чортъ, горланитъ самъ!
Дай срокъ, не долго насъ тиранить!..
— Ужо за все отплатимъ имъ,
Все офицерство порѣшимъ!..
— Зачѣмъ-же всѣхъ-то? Прапоръ, вотъ,
У насъ во взводѣ — за народъ,
Всѣмъ, говоритъ, нужна свобода...
— Охъ, эти мнѣ друзья народа!
Я одного такого зналъ,
Онъ въ Петроградѣ проживалъ, —
Семья-то страсть была богата,
А онъ все корчилъ демократа
И къ намъ на фабрику ходилъ,
Рабочимъ книжечки носилъ
И говорилъ намъ въ комитетѣ,
Что лишь въ одной коммунѣ свѣтъ;
А самъ былъ франтикомъ одѣтъ,
Жилъ въ распрекрасномъ кабинетѣ,
Спалъ да курилъ, да пилъ, да ѣлъ,
Работать что-то не хотѣлъ..
— И много этакихъ бываетъ!
Папаша деньги выбиваетъ

Изъ нашей шкуры, а сынокъ,
Глядишь, ужъ втерся въ нашъ кружокъ
И проповѣдуетъ свободу
Всему рабочему народу...
— Нѣтъ, къ чорту всѣхъ ихъ въ добрый часъ!
Попи́ли кровушки у насъ!..

5. Приказъ No. 1.

Летятъ все новыя къ намъ вѣсти:
Отмѣнено отданье чести,
Солдатъ теперь не нижній чинъ,
Теперь онъ — вольный гражданинъ.
Прислала Дума депутата,
Чтобъ «освѣтить событій ходъ
И объяснить, чего народъ
Ждетъ отъ свободнаго солдата».
Солдаты мигомъ собрались;
Въ толпѣ откуда-то взялись
Два новыхъ флага ярко-алыхъ;
Рѣчей послушать небывалыхъ
Пришли, кто съ злобою въ глазахъ,
Со скукой, съ робостью на лицахъ,
А кто съ «цыгаркою» въ зубахъ
И съ краснымъ бантикомъ въ петлицахъ...
Охрипъ отъ крика депутатъ,
Но не зажегъ сердца солдатъ
Призывомъ въ бой и въ наступленье.
— Довольно! Лопнуло терпѣнье! —
Кричали сотни голосовъ.
— Не трать, товарищъ, даромъ словъ!
Хотимъ, чтобъ вышло замиренье!..
Онъ имъ: — За вами весь народъ,

На васъ надѣется и ждетъ,
Чтобъ вы за честь отчизны встали!..
— Вотъ тоже не было печали! —
Ему въ отвѣтъ кричатъ гурьбой, —
— Воюй-ка самъ, а мы — домой!
Довольно мы повоевали!
— Для насъ народъ не господинъ!
Солдатъ — свободный гражданинъ!

6. Политика.

Патроновъ нѣтъ, снарядовъ нѣтъ,
Зато везутъ тюки газетъ.
Въ окопахъ кипы бѣлыхъ стопъ,
Какъ-будто клубъ, а не окопъ.
Солдатъ — то веселъ, то угрюмъ;
Отъ непонятныхъ новыхъ думъ
У всѣхъ вскружилась голова.
Въ рѣчахъ все новыя слова:
«Декретъ, буржуй, пролетарьятъ,
Парламентъ, лозунгъ, плутократъ...»

— Эхъ, тёмно пишутъ господа!
— Ну, имъ какая-же нужда
Народъ-то глупый просвѣщать
И на себя штыки ковать?
Какъ разузнаетъ все народъ,
Такъ живо къ чорту ихъ пошлетъ!..
— А что, ребята, знать, опять
Придется съ нѣмцемъ воевать?
— Велитъ начальство, такъ пойдешь,
А то — подъ судъ!.. — Ну, это — врешь!
Теперь мы вольные! Шалишь!
— Всѣмъ господамъ покажемъ шишъ!..

Проливы нужно имъ забрать,
А намъ въ проливы наплевать!
Изъ-за воды да кровь пролить!
Да что! смѣшно и говорить!..
— Не вѣрь газетамъ, все въ нихъ ложь,
А толку нѣту ни на грошъ!
Вотъ хоть послѣдній взять декретъ, —
Слова, слова, а смысла нѣтъ!
Отмѣна титуловъ, чиновъ,
А подписалъ ее — князь Львовъ!..
— Для всѣхъ, вишь, титулъ отмѣнилъ,
А для себя-то и забылъ...
— Ну, братцы, вотъ такъ чепуха!
Ха-ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха!..

7. «Свои» ораторы.

— Довольно штатскихъ агитаторовъ!
У нихъ ни черта не понять!
Солдатскихъ, нашенскихъ, ораторовъ
У насъ своихъ — не занимать!
— Петруха! жарь про революцію!
Ванюха! славь пролетарьятъ!
Катай, ребята, резолюцію!..
— Коли гулять — такъ ужъ гулять!..

— Товарищи вы милые!
Не то, чтобы, что я,
А, значитъ, распостылая,
Заѣла жисть меня...
Житье наше солдатское —
Проклятое житье...
— Ну, вотъ! завелъ дурацкое
Холуйское нытье!..

— Ты намъ про диктатуру
Солдатскую прочти!
Буржуйскую натуру
Штыкомъ развороти!..

— Теперича, ежели
Да намъ разсуждать,
То раньше мы нé жили,
Къ примѣру сказать!
Теперича снова мы
На свѣтъ родились,
Идеями новыми
Мы всѣ напились...

— Не идеями, ханжою
Ты напился, пьяный чортъ!
Ишь, трясетъ дурной башкою;
На ногахъ-то, знать, не твердъ!
— Отвяжись ты, песъ шельмецкій,
Не съ тобой я говорю...

«Пишетъ, пи-и-шетъ царь нѣме-ецкій,
Пишетъ бѣ-ѣ-ѣлому царю...»

8. Воззванія.

Пріѣхалъ съ тыла грузовикъ.
— Что тамъ, патроны? — Нѣтъ, воззванія...
— Читалъ ужъ много этой дряни я!..
Долой Керенскаго! На штыкъ!
— На штыкъ буржуевъ! Издѣваются;
То слали намъ возá иконъ,
Теперь съ иконами стѣсняются,
Такъ шлютъ воззваній милліонъ!..

— Долой правительство дворянское,
Довольно вѣрить господамъ!
— Правленье нужно намъ крестьянское,
Мужикъ въ министры нуженъ намъ!..

9. «Всѣмъ-всѣмъ-всѣмъ».

Телеграмма: «Всѣмъ. Спасайте!
Гибнетъ юный цвѣтъ свободъ!
За Россію всѣ вставайте!
За свободу всѣ впередъ!...»
Читаютъ, спорятъ, обсуждаютъ
Со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ
Вокругъ ужъ тысячи летаютъ
Иныхъ депешъ, и тоже — «Всѣмъ»:

«Братайтесь съ прежними врагами,
Германецъ намъ и другъ, и братъ,
Какъ мы — обманутъ господами,
Какъ мы — на нихъ возстать онъ радъ.
Войны довольно. Прочь оружье!
Давно васъ ждутъ семья и домъ.
Мы всѣ снаряды, пушки, ружья
На мирный плугъ перекуемъ»...

— А слова-то здѣсь Христовы...
— Ну, онѣ уже не новы,
И пустыя все слова...
— Вотъ, идея здѣсь нова;
Прокъ-то, видишь, лишь буржуямъ
Изъ того, что мы воюемъ, —
Мы за нихъ кладемъ животъ...
— Ну, ужъ это не пройдетъ!
Какъ на родину вернемся,
Такъ по-своему возьмемся

Передѣлывать страну,
По-евангельски... — Да, ну?
Что-то, дядя, ты заврался!
Знать, воззваній начитался
И евангелье забылъ...
— Жаль, тебя я не спросилъ!
Тутъ евангелье другое,
Не такое плутовское,
Какъ поповское, — оно
Не Христомъ сочинено!
А коль ты не понимаешь,
То башка твоя пуста!..
— Какъ-же это безъ Христа?..
— Самъ поймешь, коли желаешь!..

10. Нѣмцы наступаютъ.

— Эй! бѣгите къ комиссару!
Нѣмцы вышли изъ траншей!..
— Зададутъ они намъ жару!
Удеремъ-ка поскорѣй!..
— Нѣмцы идутъ въ наступленье!
Эй, въ окопы, по мѣстамъ!..
— Надо митингъ кончить намъ,
Подписать постановленье;
Что спѣшишь, какъ на пожаръ?..
— Нѣмцы лѣзутъ, комиссаръ!.
— Что-жъ, трубите отступленье!..
Завели-бы мы сраженье,
Да патроновъ вовсе нѣтъ...
— Не осталось отъ трехъ лѣтъ?..
— Нѣтъ, послали ихъ въ Расею,
Усмирять господъ затѣю;

Баре, видишь-ли, хотятъ
Все опять вернуть назадъ —
И царя, и все другое...
Ну, да мы согнемъ дугою
И кадетовъ, и другихъ
Черносотенцевъ лихихъ!..
А какъ власть мы завоюемъ,
Горе будетъ всѣмъ буржуямъ!..
— Нѣмцевъ какъ-же отбивать?
— Ну, на нѣмцевъ намъ плевать!..

11. За родину!

— Впередъ, товарищи, впередъ!
Умремъ за родину! Въ атаку!..
— Охота намъ соваться въ драку!
Пускай-ка самъ впередъ идетъ!..
— Впередъ! враги не ждутъ отпора!
Пора намъ смыть пятно позора!
Ну, кто смѣлѣй, впередъ! за мной!
Впередъ, за честь страны родной!..
— Что тамъ за честь? Не наше дѣло!
Намъ жить еще не надоѣло!..
— Да что онъ здѣсь за командиръ?
Надѣлъ полковницкій мундиръ,
Такъ и начальникъ?.. Прочь погоны!
Сдирайте съ нихъ гербы, короны!
Долой кокарды!.. Бей ихъ, бей!..
— А! попилъ кровушки, злодѣй!
Такъ вотъ тебѣ за все расплата!
Коли, руби его, ребята!..
— Эй! прапоръ! Стой, товарищъ, стой!
Мы разочтемся и съ тобой...

— Кажись, и ротмистра убили?..
А жаль! душевный парень былъ!
— Пустое, братъ! Всѣ кровь-то пили,
И онъ, гляди, не мало пилъ!..
— Корнетца этого держите!
Соплякъ, а тоже — офицеръ!..
— Прикончить что-ль? — Пока свяжите!..
— А прапоръ этотъ гдѣ, эсъ-эръ?
Сбѣжалъ, подлецъ?.. Уменъ былъ тоже!
Берите, молъ, что намъ негоже, —
Намъ власть, а вамъ земля пойдетъ!..
Беречься надо напередъ
Такихъ гусей; сулятъ свободу,
А послѣ бѣдному народу
Отъ нихъ ни охнуть, ни вздохнуть!
— Ну, дьяволъ съ ними! Эхъ, кутнуть
Теперь-бы надобно съ работы!
Свалили съ шеи мы заботы,
Себѣ мы сами господа,
Теперь домой пойдемъ! Айда!..

12. «Однимъ бариномъ меньше».

— Эхъ, братцы! грѣхъ-то, грѣхъ какой!
За что-жъ убили капитана?
Вѣдь баринъ добрый былъ, простой...
— Ну, вотъ! послушайте болвана!
Поди еще, поплачь надъ нимъ!..
— Того, болванъ, и не разсудитъ,
Что меньше бариномъ однимъ
Теперь у насъ въ Расеѣ будетъ...
— Безъ баръ мы славно заживемъ,
Всласть поѣдимъ и впьянь попьемъ!..

— А Богъ-то, братцы?.. — Простота!
Да Богъ-то выдуманъ попами,
Чтобъ крѣпче было править нами!..
— Эхъ, братцы, нѣтъ на васъ креста!..
— Еще пока не заслужили...
— Сумѣемъ, братцы, заслужить!
Вотъ какъ начнемъ буржуевъ бить,
Какъ все начальство перебили,
Да всѣмъ имъ сдѣлаемъ капутъ,
Такъ крестъ, гляди, и намъ дадутъ!..

13. Попъ.

— Смотри-ка, попъ пришелъ, поетъ,
Кадитъ надъ падалью господской...
— Господской? Скажетъ тоже! Скотской!..
— Да скотъ-то пользу намъ даетъ,
А господа... — Пойдемъ-ка, взглянемъ,
Что попъ колдуетъ тамъ, подтянемъ
Ему, а послѣ — пулю въ лобъ...
— Ну, что-жъ, пойдемъ!.. — Товарищъ-попъ!
А ты зачѣмъ сюда явился?
— Да, вотъ, о павшихъ помолился...
— Ну, помолись теперь опять
И за себя, — мы разстрѣлять
Тебя рѣшили! — Божья воля!
Знать, и моя такая доля,
Чтобы безвинно...
Трахъ-тахъ-тахъ!..
— Молись теперь о господахъ!

14. Домой!

— Эхъ, завей бѣду въ веревочку
Ты, солдатикъ молодой!
Ты бросай свою винтовочку
И айда домой!
Дома тоже, чай, невесело,
Вся работушка стоитъ,
И зазноба носъ повѣсила,
Думаетъ — убитъ!..

— Не бросай солдатъ винтовки;
Что теперь въ Расеѣ — страсть!
Стали баре очень ловки, —
Всѣ въ цари хотятъ попасть!
— Мы не лыкомъ шиты сами,
Барамъ спуска не дадимъ!
— Пощекочемъ ихъ штыками!
— Всѣхъ буржуевъ порѣшимъ!..
— Кличъ ужъ грянулъ всенародный:
«Пролетаріи всѣхъ странъ
Собирайтесь всѣ въ свободный,
Во единый, дружный станъ!..»

II. До́ма.

15. Возвращеніе.

Какъ пошли наши ребята
Да изъ арміи домой, —
То-ль домой идутъ солдаты,
То-ль громилы на разбой? —

И кокарды, и погоны
По дорогѣ растрясли,
Ободрали всѣ вагоны,
Всѣ буфеты разнесли,
Да зато въ мѣшкахъ патроны
На буржуевъ припасли!

— Эй ты, буржуй!
Дальше деньги суй!
Зарывай свою казну,
Прячь дѣтишекъ да жену,
А не то, дождешься насъ, —
Потеряешь все заразъ!

— Эй, попъ, уходи!
До грѣха не доводи!
Мы штыками угостимъ,
Мѣткой пулей причастимъ!
Уходи-ка ты добромъ
И съ крестомъ, и со Христомъ!..

16. «По-евангельски».

— Изъ домовъ повыгоняли
Мы буржуйскихъ бабъ, дѣтей
И пайковъ имъ не давали:
Издыхайте поскорѣй!
И безъ васъ ѣды не стало,
На рабочій честный міръ!
Объѣдались вы немало,
Ну, теперь спускайте жиръ!..
Баре бродятъ словно тѣни,
Потерявъ дома свои...

— Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!..

17. Милостыня.

— Послушайте... Купите шубы...
Не денегъ — хлѣба дайте мнѣ!
Ребенокъ боленъ, мужъ въ тюрьмѣ...
— Вотъ дамъ тебѣ прикладомъ въ зубы,
Такъ будешь рванью торговать!
— Иди себѣ околѣвать
Съ своимъ щенкомъ паршивымъ вмѣстѣ!
Такихъ, какъ ты, мы душъ по двѣсти
На свалку возимъ кажду ночь...
— Не пробдайся! Къ чорту! Прочь!..
— Не для себя прошу, ребенку...
— Товарищъ, пристрѣли бабенку!

18. Буржуйки.

— Глянь-ка! Дунька-то въ корсетѣ,
Да въ рубиновой браслетѣ!..
— Только глазъ одинъ на насъ,
А другой — на Арзамасъ,
Носъ расплылся весь въ лепешку,
А для пасти на застежку
Надо пуговицъ штукъ пять!..
— Полно Дуньку обижать,
Все у дѣвки въ аккуратѣ,
Понапрасну не грѣши!..
— А скажу тебѣ я кстати, —
Больно дѣвки хороши
У буржуевъ, чисты, бѣлы,
Правда, что не очень смѣлы,
Да зато нѣжны, ей-ей!
Право, бархата нѣжнѣй!..
— Ты-то ихъ откуда знаешь,
Что ужъ больно восхваляешь?

— Ну! я парень не дуракъ!
Дѣло, видишь, было такъ:
Обыскъ дѣлать мы ходили
Въ особнякъ одинъ большой,
Тамъ дѣвчонокъ цѣлый рой...
Мы, понятно, согрѣшили,
Понатѣшилися всласть...
Лишь одна была напасть,
Что родитель заступался, —
Такъ на насъ вотъ и бросался!..
Пристрѣлили мы его,
А потомъ все ничего
Обошлось... Перевязали
Мы дѣвчонокъ, миловали,
Цѣловали до зари...
Что ты тамъ не говори,
А буржуйки сладки дюже!
Наши дѣвки втрое хуже!..

19. Дунька.

— Говорила тебѣ я,
Ты не пей ханжи, свинья!
Вотъ до чертиковъ напился,
Да въ буржуекъ и влюбился...
Чѣмъ буржуйки хуже я?
У меня — и соболя,
И серебряный ларнетъ,
И на шляпкѣ венигретъ!..
— Ну, и Дунька! Право, дура!
Барабанная ты шкура!
Ты корява, какъ лопухъ,
А онѣ — ну, прямо, пухъ!

— Ну, и мы на пухѣ спали!
Пухомъ насъ не удивишь!..
— Тьфу! съ тобой не сговоришь!
Ужъ на митингъ опоздали!..
— Плюнь-ка ты на митингъ свой!
— Нынче митингъ боевой,
Пропустить нельзя ни слова!
Мы, кажись, сегодня снова
Будемъ Троцкаго просить,
Чтобы Ленина смѣнить!

20. На отдыхѣ.

— Ну, на отдыхѣ кутнемъ!
Хоть въ Большой Театръ зайдемъ,
Пусть актеры тамъ хоть разъ
Поломаются для насъ.
— Имъ не все служить буржуямъ,
Нынче мы ихъ замордуемъ!
Будемъ сѣмячки лузгать,
Да въ два пальчика свистать...

— Ишь! царевенъ представляютъ...
И чего онѣ гуляютъ?
Эй, актерикъ, насъ потѣшь,
Хоть для виду ихъ прирѣжь!

— Не пойти-ль теперь въ Музей?
Много всякихъ тамъ затѣй:
Бабы голыя стоятъ,
Какъ живыя, цѣлый рядъ!
Такъ-бы вотъ штыкомъ пырнулъ,
Али шашкой рубанулъ...
— Что-жъ, пырни, коль будешь радъ,
Нынче воля для солдатъ!

— Аль тюрьму провѣдать что-ли?
Отпустить тамъ изъ неволи
Офицера одного...
— Прислонить къ стѣнѣ его,
Да у самыхъ у воротъ
Записать его въ расходъ!

— Не пойти-ли въ Божій храмъ?
Не бывалъ давно я тамъ...
Сердце чешется чего-то, —
Вѣдь Страстная, братъ, Суббота!..
— А тебѣ что за напасть!
Коли хочешь видѣть страсть,
Такъ зачѣмъ въ церквахъ толкаться?
Только блохъ тамъ набираться!
Въ чрезвычайку къ намъ сходи,
Тамъ на страсти погляди!
— Что ты, братецъ? грѣхъ вѣдь это!
Видно, ты совсѣмъ отпѣтый...
Вѣдь теперь какіе дни?
Ты въ евангелье взгляни:
Вѣдь вчера Христа распяли...
— Мало въ этомъ мнѣ печали!
Мнѣ евангелье не суй!
Самъ Христосъ твой былъ буржуй,
Жилъ всегда на всемъ готовомъ...
Онъ своихъ ученій словомъ
И запряталъ весь народъ
Подъ владычество господъ!
Ужъ свобода, такъ свобода!
Богъ — отрава для народа,
И съ твоимъ, гляди, Христомъ
Вновь очутишься рабомъ!..

III. Кто идетъ?

21. Въ Москвѣ.

Печаленъ видъ Кремля нѣмого,
Все жутко въ сумракѣ ночномъ,
Не слышно шума городского,
Какъ не слыхать его и днемъ.
Въ ущельяхъ улицъ бьется вьюга
О камень стѣнъ домовъ-гробовъ,
Какъ львица, прыгаетъ упруго,
Бросая въ ночь безсильный ревъ.
Плакатовъ кличъ со стѣнъ грозится
Весь міръ насильемъ покорить,
И красныхъ флаговъ рой стремится
Полетъ кровавый съ вьюгой слить.
Прохожихъ нѣтъ. Собакъ бездомныхъ —
И тѣхъ не видно. Въ окнахъ тьма.
Съ рядами оконъ жутко-темныхъ
Весь городъ мраченъ, какъ тюрьма.
Пройдетъ патруль съ кровавымъ флагомъ,
И снова все вокругъ замретъ,
И только Время мѣрнымъ шагомъ
Сквозь ночь увѣренно идетъ.
Въ Кремлѣ заложены ворота,
И надъ дворцомъ — багровый флагъ,
И съ башни дуло пулемета
Зловѣще смотритъ въ бѣлый мракъ.
А за стѣною вѣковою
Дворецъ огнями весь залитъ;
Совѣтъ тирановъ тамъ судьбою
Россіи немощной вертитъ.

Вертитъ, а самъ дрожитъ всечасно,
Что вдругъ поднимется народъ
Во весь могучій ростъ и властно
Оковы красныя сорветъ.
Но надъ Москвою сонъ проклятья,
Бѣды народной сонъ лихой,
Какъ будто Смерть свои объятья
Простерла цѣпко надъ Москвой...
Патруль съ опаскою блуждаетъ
Въ безлюдьи улицъ взадъ-впередъ,
И тишина шаги считаетъ,
И эхо гулко повторяетъ
Тревожный окликъ «Кто идетъ?..»

22. Въ метель.

Вскрутила прахъ холодный и сыпучій
Метель столбомъ, воронкой снѣговой,
И смерчъ взвился, зыбучій, колкій, жгучій,
Блестя, свистя, понесся надъ Москвой
И, бѣлой тьмой — искристо-мглистой тучей
Все скрывъ, повисъ надъ мерзлой мостовой,
И тѣни, вдругъ возникнувъ изъ метели,
Къ стѣнѣ Кремля толпою полетѣли.

Бросая въ ночь угрозы, стоны, зовы,
Взвились онѣ зловѣщею толпой;
Сквозь шумъ и свистъ звенятъ на нихъ оковы,
На лицахъ тѣнь печати гробовой,
Въ движеньяхъ боль, и взгляды ихъ суровы,
Полны тоски и мести роковой,
И черезъ мглу, сквозь снѣжные туманы,
На нихъ видны зіяющія раны...

Онѣ летятъ вокругъ Кремля нѣмого,
И все быстрѣй, все яростнѣй ихъ лётъ,
Въ живомъ столбѣ изъ вихря снѣгового
Онѣ стучатъ и воютъ у воротъ
И будятъ страхъ въ душѣ у часового...
На помощь тотъ товарищей зоветъ,
Чтобъ отогнать крылатый рой видѣній
Несчастныхъ жертвъ кровавыхъ преступленій...

— Нечисто здѣсь! Въ ушахъ звенитъ отъ крика!
— Молчи, болванъ! Метелица мететъ...
— Не бѣсы-ль то? Ишь, взвыли-то какъ дико!..
— Постой, молчи! И, впрямь, тамъ у воротъ
Толпа шумитъ... — Ой, жутко!.. — Погоди-ка!
Товарищъ! Эй! откликнись! Кто идетъ?!..
Смѣльчакъ кричитъ, а самъ дрожитъ съ испуга . . .
Ха-ха-ха-ха! — въ отвѣтъ хохочетъ вьюга...

— Пропали мы! Знать, дьяволъ здѣсь играетъ!..
— Аминь, аминь! разсыпься! Съ нами Богъ!..
Метель реветъ, хохочетъ и рыдаетъ,
Слѣпитъ глаза, порывомъ валитъ съ ногъ,
Толпа тѣней все ближе подступаетъ...
Бѣжать нѣтъ силъ, — ужъ каждый изнемогъ,
Прижались всѣ къ стѣнѣ, лицо скрывая,
И ждутъ конца, молитвы вспоминая...

Вдругъ разомъ смолкъ метели ревъ мятежный,
И воздухъ весь мгновенно былъ согрѣтъ,
Повсюду легъ коверъ пушистый, снѣжный,
Расцвѣлъ во мглѣ лучистый, нѣжный свѣтъ,

Рождая звукъ, и чистый, и безбрежный,
Въ которомъ пѣлъ Любви святой привѣтъ,
И рой тѣней, что мчались въ пляскѣ вьюжной,
Вдругъ потонулъ, пропалъ въ дали жемчужной...

Рой чистыхъ грёзъ, волшебныхъ, безмятежныхъ,
Наполнилъ ночь. Вокругъ, лаская взглядъ,
Струится свѣтъ, и полемъ лилій снѣжныхъ
Подъ нимъ блеститъ нѣмыхъ сугробовъ рядъ,
И все растетъ волна мелодій нѣжныхъ...
Весь Божій міръ загадкою объятъ
И словно ждетъ Господняго явленья,
Святыхъ чудесъ иль свѣтопреставленья...

Очнулись всѣ... — Да что, никакъ свѣтаетъ?
Ты при часахъ? Который часъ? — Второй.
— Фу, чортъ!.. — Гляди, тамъ чья-то тѣнь
мелькаетъ!..
Кому еще здѣсь быть ночной порой?
— Пальнуть въ него? Ишь, смѣло какъ шагаетъ!
— Эй, кто идетъ? Назадъ, товарищъ! Стой!..
— Да что онъ глухъ? Возьми его на мушку!
Лови, дружокъ, свинцовую игрушку!..

Блеснулъ огонь, но выстрѣлъ потерялся, —
Его затмилъ лучей и звуковъ хоръ,
Что все сильнѣй, все ярче разрастался
Со всѣхъ сторонъ, лаская слухъ и взоръ,
И надъ Москвой, какъ риза, разстилался,
Какъ звуковой, сверкающій коверъ...
Блеснулъ огонь, снѣга яснѣй затлѣлись,
И стѣны всѣ лучами вдругъ одѣлись.

Въ лучахъ домá, въ лучахъ Кремля ограда,
И не узнать давно знакомыхъ мѣстъ!..
Одѣла міръ небесная отрада,
Хвала Творцу разносится окрестъ, —
Христосъ идетъ по спящимъ стогнамъ града,
Христосъ несетъ святой и страшный крестъ,
Его чело въ крови отъ иглъ терновыхъ,
И много ранъ на Немъ зіяетъ новыхъ...

Все тѣло въ нихъ, и мѣста нѣтъ живого,
Сочится кровь, свѣтя живымъ огнемъ,
Но гнѣва нѣтъ въ чертахъ Лица благого, —
Въ немъ только скорбь, страданье только въ немъ...
Весь міръ затихъ, готовясь слышать слово
Изъ устъ Христа, но искристымъ путемъ
Безмолвно Онъ проходитъ межъ домами,
Пятная снѣгъ кровавыми слѣдами...

Христосъ идетъ!.. Солдаты ницъ упали, —
Былъ страшенъ имъ прекрасный, скорбный Ликъ
И кроткій взглядъ, исполненный печали...
Христосъ взглянулъ и головой поникъ,
И двѣ слезы, какъ звѣзды, засверкали,
Скатившись въ снѣгъ... Прошелъ беззвучный мигъ,
Христосъ вздохнулъ и медленно, въ молчаньи,
Своимъ путемъ пошелъ въ живомъ сіяньи...

23. Грядущая заря.

Ушелъ Спаситель, но вѣсть благую
Оставилъ людямъ въ алмазахъ слёзъ,
Въ нихъ свѣтъ надежды на жизнь другую,
На жизнь безъ злобы Онъ всѣмъ принесъ.

Онъ зла не помнитъ, не знаетъ мщенья,
Онъ только плачетъ, скорбя за всѣхъ,
И въ этихъ слезахъ — залогъ прощенья
За нашъ безмѣрно-великій грѣхъ.

Посѣвы злобы кровавой новью
Восходятъ въ жизни, но часъ придетъ, —
Заря освѣтитъ всю Русь любовью,
Согрѣетъ счастьемъ родной народъ.

Пусть люди-звѣри съ насмѣшкой злою
Всегда готовы Христа хулить, —
Туманомъ злобы, кровавой мглою
Христова Лика не заслонить!

Пусть флаги въ пляскѣ летятъ кровавой,
Надъ омраченной Москвой горя;
Надъ нею скоро взойдетъ со славой
Заря Христова — Любви заря!

Повиснутъ флаги, теряя краски,
Плакаты вѣтеръ развѣетъ въ прахъ,
Слова отрады, любви и ласки
Заря начертитъ во всѣхъ сердцахъ!

Есть люди — вѣрятъ, есть люди — знаютъ,
Что правда только въ одномъ Христѣ,
За правду терпятъ и погибаютъ,
И умираютъ, какъ на крестѣ!

Тверда ихъ вѣра, надежды крѣпки,
Молитва льется ихъ всякій часъ:
«О, Святый Боже! О, Святый Крѣпкій!
Святый Безсмертный, помилуй насъ!»

СѢВЕРЪ.

Дикій Сѣверъ! Сѣверъ мой!
Ты снѣгами осіянъ!
Уношусь къ тебѣ душой
На зальдѣвшій океанъ!..

Деревянный городокъ,
Весь затерянный въ снѣгахъ,
Боръ — и теменъ, и высокъ,
Сосны — въ снѣжныхъ жемчугахъ,

Старой церкви купола́
Чуть синѣютъ изъ-за нихъ;
Скатерть снѣжная легла
На столѣ полянъ нѣмыхъ;

Похоронный сонный звонъ
Говоритъ со мной одинъ,
Монотонный ро́нитъ стонъ
Надъ молчаніемъ равнинъ...

Алый блескъ закатныхъ ранъ
Окропилъ прозрачность льдинъ,
Неоглядный столъ полянъ
И гребни лѣсныхъ вершинъ...

Я лучи ловлю душой,
Пью душой печальный звонъ,
Замеръ я, и міръ за мной
Замеръ весь заворожен, —

Все внимаетъ не дыша,
Даже слышно, какъ текутъ,
Въ море Вѣчности спѣша,
Капли темныя минутъ...

~

ВЕЧЕРНЕЕ.

Небеса далекія кротки,
Въ туманѣ вечернемъ даль,
На окнѣ квадраты рѣшотки,
И въ каждомъ небесъ эмаль.

Все окно мое — голубое,
Но въ келью мою, какъ мгла,
Но́чи грусть въ прохладномъ покоѣ
Неслышно въ окно вошла.

Звонъ церковный словно на тризну
Съ печалью зоветъ людей...
Этотъ звонъ напомнилъ отчизну
Мнѣ звучной тоской своей!

Обняла съ знакомой лаской
Всѣ думы мои печаль
И одѣла грустною сказкой
И небо, и лѣсъ, и даль...

Вижу я, какъ ярко блистаетъ
Крестомъ межъ березъ погостъ,
Слышу я, какъ звонъ возвѣщаетъ,
Что нынче Великій постъ.

И кропятъ росою блестящей
Лицо мнѣ потоки слезъ,
И въ глазахъ стоитъ шелестящій
Рядъ вешнихъ, родныхъ березъ...

СУМЕРКИ.

Ужъ западъ угасаетъ
Въ спадающей зарѣ,
Но міръ еще блистаетъ
Въ туманномъ серебрѣ;

Подъ сферой небосвода
Сплелись и тѣнь и свѣтъ,
Не спитъ еще природа,
Но въ ней движенья нѣтъ;

Повсюду утомленно
Молчанье залегло,
Для дня — какъ-будто тёмно,
Для вечера — свѣтло.

О, какъ это похоже
На жизнь твою, поэтъ!
И въ ней сплелися тоже
И мракъ, и тихій свѣтъ,

На сердцѣ гóря холодъ,
А въ думахъ счастья жаръ,
Для слезъ — ты слишкомъ молодъ,
Для смѣха — слишкомъ старъ!

СЪ ПРИРОДОЙ.

Я съ дѣтства отдалъ душу Музамъ,
Позналъ я съ дѣтства вдохновенье,
Любви и дружбы сладкимъ узамъ
Я предпочелъ уединенье.

Вдали отъ сверстниковъ и сверстницъ,
Я былъ всегда въ объятьяхъ жгучихъ
У рифмъ крылатыхъ, Музъ наперстницъ,
У сочетаній ихъ пѣвучихъ.

Любви, мечтѣ, тоскѣ, свободѣ
Не испыталъ я поклоненья;
Всѣ думы отдалъ я Природѣ,
Ей посвятивъ свои творенья.

Любилъ отчизну я родную,
Ея степей цвѣты и травы,
Ея полей парчу златую
И многошумныя дубравы,

Любилъ великихъ рѣкъ разливы,
Снѣга́ зимы и пламень лѣта,
Весеннихъ дней расцвѣтъ счастливый
И грусть осенняго привѣта.

Я жилъ Природой средь Природы,
Вдали отъ шума съ малолѣтства,
Я посвящалъ ей гимны, оды
И всѣ мечты живого дѣтства.

Навѣкъ ея отдавшись власти,
Я зналъ, что духъ ея витаетъ
Превыше счастья, славы, страсти,
Что въ ней вся радость обитаетъ.

И мнѣ Природа подарила
И миръ, и чуткость, и безбрежность;
И въ пѣсни мнѣ, любя, вложила
Всю простоту свою и нѣжность.

Она мнѣ свѣтъ и утѣшенье,
Въ ней Смерти миръ и Жизни сладость,
Въ ней всѣ мечты и вдохновенье,
Вся красота, любовь и радость.

ПРИМѢТЫ.

Если радостенъ день, если хмурая тѣнь
Облаковъ не виситъ надо мной,
Если зелень ярка, и лазурь глубока,
Если море сверкаетъ волной, —
Я увѣренъ тогда, что далёко нужда,
Что не скоро въ мой домъ постучится бѣда,
Что придетъ моя Радость ко мнѣ —
Вся въ лазурномъ веселомъ огнѣ.

Если-жъ день безъ тепла, если сѣрая мгла
Облегла пеленой небосводъ,
Если гулъ въ деревахъ, и туманъ на горахъ,
Если на́ морѣ буря встаетъ, —
Я ужъ знаю, — близка роковая тоска,
Злая петля нужды безпощадно узка,
И у двери стучится Печаль —
Вся закутана въ черный вуаль.

СНОВИДѢНІЯ.

Часто ночью я съ болью смутной
Вижу сны минувшихъ дней,
Вижу старый нашъ домъ уютный,
Лѣсъ и золото полей...

Вижу ласковый обликъ мамы
И отца веселый взглядъ,
Изо мглы они, какъ изъ рамы,
Прямо въ душу мнѣ глядятъ.

Вижу комнатку, гдѣ безбурно
Въ годы юности я жилъ,
Гдѣ мечты цвѣли такъ лазурно,
Гдѣ я музамъ преданъ былъ...

О, когда-бъ вовѣкъ не проснуться,
Жить въ объятіяхъ у сна!..
Но очнешься вдругъ, — слезы льются,
И душа тоской полна.

И зачѣмъ съ тоской сердце рвется
Въ отошедшіе года? —
Вѣдь минувшее не вернется,
Не вернется никогда.

НЕУТѢШНОЕ.

Небо скрыла мгла туманная,
Погода холодна...
Ты стоишь, моя желанная,
У раскрытаго окна...

Душу когти думъ царапаютъ
И колютъ, какъ иглой,
Какъ дождинки, слезы капаютъ
Въ грязь осенней мостовой...

Все поругано, осмѣяно,
Что было такъ свѣтло;
Вѣтромъ осени развѣяно
Грёзъ весеннее тепло...

Что сказать, чтобъ улыбнулася
Ты снова, какъ всегда?
Чтобъ душа твоя проснулася
И сверкнула, какъ звѣзда?..

Не помогутъ утѣшенія!
Какъ смерть любовь сильна!..
Не найти ни въ чемъ забвенія,
Коль навѣкъ ушла весна!

ГОРОДЪ.

Домовъ граниты оковали
Шумящей улицы потокъ,
Какъ фраза длительная встали,
Въ которой тяжекъ каждый слогъ.

Автомобили рѣжутъ воздухъ,
Роняя бѣгло хрипъ гудковъ;
Спѣшитъ извозчикъ, кончивъ рóздыхъ,
И взглядомъ ищетъ сѣдоковъ;

Толпой наполнены панели;
Толчки, поклоны, ругань, смѣхъ;
Видна усталость въ каждомъ тѣлѣ,
И скуки мгла въ глазахъ у всѣхъ...

Съ вечернимъ свѣтомъ въ душу льются
Простыя, нѣжныя мечты,
А за углами продаются
Газеты, женщины, цвѣты...

Кинематографовъ афиши
Глазá терзаютъ пестротой,
Спитъ оборванецъ въ темной нишѣ,
Смущая грязной наготой...

Горитъ окóнъ сухая схема
Отъ электрическихъ зарницъ,
И тлѣетъ вечера поэма
Въ глазахъ немногихъ ясныхъ лицъ...

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ.

Догораютъ послѣдніе угли заката,
Разсыпаются пó-небу сѣрой золой,
И поля одѣваются сизою мглой;
Вся природа вечернимъ молчаньемъ объята...
Не шевелитъ сосна ни единой иглой,
И замолкъ легкомысленный лепетъ осины,
Лишь надъ сѣрымъ туманомъ болотной низины
Слышенъ шорохъ осоки да вздохъ камыша...
Надъ зеленымъ ковромъ необъятной равнины
Машетъ крыльями вѣтеръ, въ ночевку спѣша;

Ночь идетъ, безпечальнымъ покоемъ дыша,
И на небо выводитъ свѣтилъ миріады...
Ночь идетъ. Не тоскуй, успокойся, душа!
Видишь, звѣздъ золотыхъ лучезарные взгляды
Обѣщаютъ тебѣ неземныя отрады,
Съ жизни темной стираютъ и слезы и кровь!..
Пусть разрушатся грусти томящей преграды,
Будемъ нѣжными, свѣтлыми, сильными вновь,
Будемъ пѣснями славить мечту и любовь,
Не желая похвалъ, не желая награды!..

НА РУССКОМЪ ВЕЧЕРѢ.

Въ чаду тягучихъ нотъ, назойливо-упорныхъ,
Я вижу предъ собой, какъ средь тумана свѣтъ,
На фонѣ пестрыхъ дамъ и кавалеровъ черныхъ
Подростка-дѣвушки знакомый силуэтъ.

Наклонена́ слегка пушистая головка
Съ наивнымъ профилемъ, съ улыбкой молодой,
И свѣтлая коса, закрученная ловко,
Легла надъ нѣжнымъ лбомъ покорною змѣей.

И блѣднымъ золотомъ блестящая прическа,
И платье бѣлое, и блѣдность нѣжныхъ щёкъ, —
Все ясно, какъ зари лучистая полоска,
Сквозь утреннюю мглу одѣвшая востокъ.

Кто ты — мнѣ вѣдомо, но что́ ты — я не знаю,
Я для тебя чужой, мы страшно далекі́,
Но отчего-же я, когда тебя встрѣчаю,
Свѣтлѣю вдругъ душой, не чувствую тоски?

Межъ сверстницъ и подругъ въ тебѣ одной остались
Мечтательная грусть и рѣзвости огни,
Чѣмъ дѣвы на Руси, когда-то красовались,
Чѣмъ такъ бѣдны теперь мы въ наши злые дни.

Ты стала мнѣ близка такъ просто и такъ свято!..
Вотъ оглянулась ты съ улыбкой молодой,
И темные глаза, какъ два большихъ агата,
На яркій мигъ одинъ блеснули предо мной...

О, сколько русскаго въ огняхъ глубокихъ взгляда!
Какъ русская душа въ глазахъ твоихъ ясна!
Не надо въ косу лентъ, кокошника не надо, —
Безъ нихъ ты русская! Ты — русская Весна!

РАЗЛУКА.

Я пѣлъ весну и цвѣтъ глициній,
И небосводъ весенне-синій,
И вешне-юную траву,
Я зовъ весны очарованій
Сплеталъ съ улыбками желаній,
И пѣсни мчались въ синеву.

Съ тобой мечталъ весну встрѣчать я
И звалъ тебя въ ея объятья,
Въ объятья ласковой мечты,
Но не сбылись мои желанья,
Мы — наканунѣ разставанья,
И отъ меня уходишь ты...

О, гдѣ-же сны очарованій?
Стихъ зовъ несбывшихся мечтаній,

Увяла вешняя трава,
Поблекли вдругъ и цвѣтъ глициній
И небосводъ зовуще-синій,
И пѣсенъ яркія слова!

~

ГАЛАТЕЯ.

Въ глазахъ твоихъ жалоба, ласка,
Насмѣшка и нѣжность сплелись,
И вся ты, какъ странная сказка,
Въ которой — поди! разберись!..

Промолвишь ты ласково слово —
Глядишь, — на губахъ твоихъ смѣхъ,
А въ смѣхѣ — то ропотъ суровый,
То шопотъ весеннихъ утѣхъ...

Посмотришь серьезно и строго,
А въ голосѣ слышно — «люблю»!
Смѣешься и шутишь ты много,
А взглядомъ чуть шепчешь — «я сплю»...

Я знаю, для многихъ загадка,
Когда ты бываешь собой?
Въ тебѣ все туманно и шатко,
Все óбвито странной мечтой...

Какъ будто ты любишь нарочно
Людей истомить и смутить,
Какъ будто ты спишь непорочно,
И надо тебя разбудить...

Опустишь невинно рѣсницы,
И будто тебя уже нѣтъ,
И мечутся думы, какъ птицы,
Ища на загадку отвѣтъ...

Скажи мнѣ, ты злая-ли фея,
Которой лишь мучить дано?
Иль спящая ты Галатея,
Которой ожить суждено?

Скажи мнѣ! Мечты мои рвутся,
Любовь горяча и свѣтла,
И силы на сердцѣ найдутся,
Чтобъ ты, Галатея, жила!

* * *

Съ насмѣшкой люди говорятъ:
— Ты всѣхъ къ улыбкамъ призываешь,
А въ пѣсняхъ льешь печали ядъ,
Томишься, плачешь и вздыхаешь!..

О, люди! Черствыя сердца!
Ужель виновенъ я предъ вами?
Ужели можете пѣвца
Вы попрекнуть его слезами?

Не призывалъ я никого
Тоскѣ и скорби предаваться,
А я — я плачу оттого,
Что разучились вы смѣяться!

КНИГА НЕБА.

Тьмы ненаписанныхъ сонетовъ
И неразсказанныхъ балладъ,
Блестящихъ темъ, цвѣтныхъ сюжетовъ
Созвѣздья дальнія таятъ.

Внимая имъ, слѣдя за ними,
И понимая шопотъ ихъ, —
Блеснулъ-бы звѣздами живыми
Земныхъ поэтовъ темный стихъ.

Какъ дивны звѣзды! и какъ больно,
Что рѣдко мы внимаемъ имъ,
Что отдаемъ себя невольно
Дѣламъ и скучнымъ, и чужимъ!

Какъ горько знать, для насъ — поэтовъ,
Что гдѣ-то тамъ, вдали, горятъ
Тьмы ненаписанныхъ сонетовъ
И неразсказанныхъ балладъ!

* * *

Огонь свѣчи, зажженной нами,
Сперва померкнетъ, а потомъ,
Когда растаетъ воскъ кругомъ,
Вдругъ распускается, какъ знамя.

Такъ мысль, зажженная намёкомъ,
Въ молчаньи зрѣетъ, затаясь,
И вдругъ, волнуясь и искрясь,
Въ слова вливается потокомъ.

*ВЪ АЛЬБОМЪ * * *.*

Въ толпѣ и чопорной и скучной
Ты не блустала красотой,
Но смѣхъ твой юный, дѣтски-звучный,
Былъ ярокъ милой простотой.

Сквозь скуку будней змѣйкой гибкой
На краткій мигъ скользнула ты,
Затмивъ своей простой улыбкой
Блескъ и ума, и красоты.

Такъ, вся туманностью одѣта,
Но новизной ярка своей,
Порой межъ звѣздъ скользнетъ комета,
Затмивъ всю яркость ихъ лучей.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

— Какъ прекрасна жизнь! — взываютъ
Люди радостной толпой,
Если дни ихъ расцвѣтаютъ,
Какъ цвѣты въ лугахъ весной.

— Какъ отрадна смерть! — съ рыданьемъ
Молвятъ люди въ скорбный часъ,
Коль свершенья нѣтъ желаньямъ,
Коль надежда унеслась.

Рѣшено небесной властью
Съ дня, когда возникла твердь:
Для счастливыхъ — въ жизни счастье,
Для несчастныхъ счастье — смерть.

ТѢНИ ГРЯДУЩАГО.

Порой нашъ взоръ творитъ картины
Изъ облаковъ, и въ нихъ встаютъ
То львы, то змѣи, то павлины,
То лѣсъ, то горы, то долины,
То профиль тонкій, то верблюдъ.

Такъ въ снахъ грядущаго, туманныхъ
И перемѣнчивыхъ, какъ дымъ,
Мы ищемъ образовъ желанныхъ
И въ тѣняхъ странныхъ и обманныхъ
Находимъ все, чего хотимъ.

* * *

Дождя хрустальный частоколъ
Съ небесъ на землю опустился,
И пыльный міръ въ дождѣ омылся
И новой краскою зацвѣлъ.

Такъ часто горькихъ слезъ потокъ
Отъ скорби сердце омываетъ,
И въ сердцѣ ярко расцвѣтаетъ
Надеждъ плѣнительныхъ цвѣтокъ.

Я слёзъ такихъ не знаю самъ, —
Душа у глазъ ихъ тщетно проситъ! —
И сердце скорби не выноситъ
И съ болью рвется пополамъ.

* * *

Мы тратимъ силы съ юныхъ лѣтъ,
И съ юныхъ лѣтъ съ отвагой злою
Мы одѣваемъ душу тьмою,
Гася мечты манящій свѣтъ.

Растаетъ юность, точно дымъ,
И мы тогда въ борьбѣ напрасной
Съ печалью поздней, съ жаждой страстной
Вернуть все прошлое хотимъ.

Но, какъ вторично не блеснуть
Красой весны цвѣтку сухому,
Такъ силъ, ушедшихъ по-пустому,
Намъ не найти и не вернуть.

ОБѢТЫ.

Какъ тлѣющій опалъ въ червонномъ медальонѣ,
Я душу сжалъ свою оправой изъ стиховъ
И приношу тебѣ, печальной Сандрильонѣ,
Дарившей мнѣ всегда такъ много милыхъ сновъ.

Что я скажу тебѣ? О, ничего не скрою!
Я весь въ тебѣ всегда, ничто́ я внѣ тебя!..
Ты вѣришь мнѣ во всемъ? ты хочешь быть сестрою?
Но братомъ буду-ль я, безъ разума любя?..

О, буду, буду! Да! и ласковымъ, и нѣжнымъ
Братишкой буду я предъ старшею сестрой,
Повѣрю тихимъ снамъ, по дѣтски безмятежнымъ
И дѣтской радостью одѣну пѣсенъ строй.

Я буду маленькимъ, чуть виднымъ и чуть слышнымъ,
Какъ карлики принцессъ въ романахъ дней былыхъ,
Что прятались въ ларцѣ, или въ букетѣ пышномъ,
Иль въ шлейфахъ вышитыхъ нарядовъ парчевыхъ...

Я буду жить тобой, свяжусь съ твоей судьбою,
Дѣля и мракъ тоски, и солнечность отрадъ;
Какъ тѣнь твоя, навѣкъ останусь я съ тобою,
Пить ласку словъ твоихъ, ловить душой твой взглядъ!

И буду на ушко шептать тебѣ я сказки
И нѣжное ушко украдкой цѣловать,
А ты мнѣ подаришь безтрепетныя ласки,
Какъ милая сестра, какъ любящая мать!..

Повѣрю-ль я душой, что дѣтства дни воскресли?
Повѣрю — будетъ свѣтъ и ласка и покой...
А если нѣтъ — тогда?.. О, нѣтъ! не надо «если»!
Пусть миръ и свѣтъ царятъ въ душѣ моей больной!

ВЪ СТЕПИ.

Вѣтеръ золъ, траву крутитъ
И вздымаетъ пыль.
Мраченъ долъ. Какъ лѣсъ, шумитъ
Голубой ковыль.

Тусклый кругъ луны лежитъ
Въ темной синевѣ.
Мгла вокругъ. Мой конь спѣшитъ
По плечо въ травѣ.

Скучно мнѣ. Цвѣтетъ тоска
Въ молодой груди...
Въ тишинѣ, издалека,
Пѣсня впереди.

Кто идетъ въ дали́ нѣмой
Въ эту злую ночь?
Кто поетъ въ степи глухой,
Гонитъ скуку прочь?

Злая высь луны вѣнецъ
Спрятала межъ тучъ...
Отзовись! Кто ты, пѣвецъ,
Нѣженъ и пѣвучъ?

Сонъ въ огнѣ идетъ навстрѣчь,
О любви поетъ,
Хочетъ мнѣ мечту зажечь,
Только — не зажжетъ!..

ВОСПОМИНАНIЕ.

Тебя вспоминаю въ тѣ дни отдаленные,
Осеннею, поздней, угрюмой порой,
Когда поосыпались листья червонные,
И жалки деревья своей наготой...

Ручей извивался гремучею змѣйкою,
Носился по воздуху шелкъ паутинъ;
Съ тобой мы сошлись передъ старой скамейкою,
За клумбой отцвѣтшихъ, сухихъ георгинъ.

Какое печальное было прощаніе!
Какъ больно и горько намъ было сознаніе,
Что въ будущемъ больше не свидимся мы,
Что розы надеждъ осыпаются блѣдныя,
Какъ въ паркѣ осеннемъ къ приходу зимы
Съ деревъ поосыпались листики мѣдные...

ЗАРЯ.

Всплеснула крыльями Заря —
Вечерней сказки Царь-Дѣвица,
Въ плащѣ изъ розъ и янтаря,
Какъ въ перьяхъ пламенныхъ жаръ-птица.

Полнеба заревомъ одѣвъ,
Она, взмахнувъ рукою мѣткой,
Накрыла скромныхъ тучекъ-дѣвъ
Лучами, словно яркой сѣткой.

Трепещутъ тучки, какъ въ сѣти́
Рыбачьей пойманныя рыбки,
Но бѣлизны имъ не спасти
Отъ огневой Зари улыбки!

Любовь на свѣтѣ — какъ Заря!
О, пусть душа снѣговъ бѣлѣе, —
Любовь, огнемъ зари горя,
Ее окраситъ тѣмъ алѣе!

ВЪ РУИНАХЪ.

Надъ излучиной долины
Спятъ утесы-исполины,
Окунувъ свои вершины
Въ голубой бокалъ нéбесъ,
И по нимъ мохнатымъ строемъ,
По обрывамъ и промоямъ,
Обожженный лѣтнимъ зноемъ
Лѣзетъ въ небо старый лѣсъ.

Заслоняясь лѣса гущей,
Въ безглагольности гнетущей,
Подъ рѣзной зеленой кущей,
Гдѣ и въ полдень тѣнь глухá,
Замокъ старый, опустѣлый
Прячетъ каменное тѣло
Подъ покровъ зелёно-бѣлый
Всюду вьющагося мха.

Замку саванъ мшистый ткется.
Все, что было, не вернется,
Никогда ужъ не проснется
Жизнь въ развалинахъ нѣмыхъ,
Не растворятся ворóта,
Танцы, пиръ, турниръ, охота
Не освѣтятъ вновь оплота
Гордыхъ рыцарей былыхъ.

Никогда ужъ здѣсь свирѣли
Не разсыплютъ звонко трели,
Струнъ не тронутъ менестрели
Звонкой лютни золотой,
Не взгремитъ копье о латы,
Мечъ не грянетъ въ шлемъ крылáтый;

Здѣсь царятъ въ тѣни зубчатой
Сонъ, безмолвье и покой.

Было время: вѝлись флаги,
Мчались кони, гнулись шпаги;
Красоты, любви, отваги
Здѣсь сіяли времена.
Гдѣ все это? гдѣ уборы,
Что ласкали блескомъ взоры?
Золотые шлемы, шпоры,
Удилá и стремена?

Гдѣ мечи? щиты съ гербами?
Флаги, шитые шелками?
Гдѣ-же рыцари, съ пажáми,
Въ тяжкихъ латахъ золотыхъ,
Въ драгоцѣнныхъ портупеяхъ,
Что теперь хранятъ въ музеяхъ,
Только память о затѣяхъ
И красѣ вѣковъ былыхъ?

Все промчалось. Все промчится.
Время все впередъ стремится,
Словно ключъ, что здѣсь струится
Передъ замкомъ между скалъ.
Время замокъ въ прахъ негодный
Разнесло рукой холодной;
Ключъ-же все бѣжитъ свобóдный,
Какъ вѣка назадъ бѣжалъ.

Нѣтъ въ вѣкахъ ему границы!
Какъ слеза изъ-подъ рѣсницы,
Онъ бѣжитъ изъ-подъ гробницы
Съ полустершимся гербомъ,

Что въ безмолвіи суровомъ
Подо мшистымъ спитъ покровомъ,
То туманно-бирюзовымъ,
То блестящимъ серебромъ.

Подъ ключемъ, водой укрыта,
Яркой плѣсенью обвита,
Встала ваза изъ гранита,
Словно каменный цвѣтокъ,
И, какъ нѣжною рукою,
Обнялъ ключъ ее струею
И о чемъ-то ей съ тоскою
Все поетъ его потокъ.

Надпись древняя всю вазу
Обошла, но трудно глазу
Разобрать ее всю сразу
За завѣсой водяной...
Три ракиты надъ могилой
Встали стражею унылой
И листвою многокрылой,
Отвѣваютъ пыль и зной...

Что-то здѣсь въ минувшемъ было?
Время все въ вѣкахъ укрыло...
Чей тутъ памятникъ, могила
Чья здѣсь скрыта подъ ключемъ?
Дѣва-ль, что цвѣла красою?
Бардъ-ли съ лютней золотою?
Иль всегда готовый къ бою
Рыцарь въ латахъ и съ мечомъ?

Пажъ-ли сгубленный мечтою? —
Кто здѣсь счеты свелъ съ судьбою?

Чей тутъ пепелъ подъ водою
Ваза древняя хранитъ?
Слезы кто надъ ней роняетъ
Изъ гробницы? кто рыдаетъ
Тамъ подъ крышкой? чей витаетъ
Духъ въ тѣни нѣмыхъ ракитъ?..

Ярки блики солнца пятенъ,
Говоръ струй пѣвучъ и внятенъ...
Что гласитъ онъ? Мнѣ понятенъ
И знакомъ разсказъ ключа:
Дней промчавшихся баллады,
Ихъ печали, ихъ отрады,
Страсти ихъ повѣдать рады
Струйки быстрыя журча.

И въ быломъ все тѣ-же страсти,
Думы, муки, сны, напасти,
Тѣ-же битвы изъ-за власти,
Что живутъ и въ наши дни!
Все знакомо. Годы мчались,
Горы, замки разрушались,
Только люди не мѣнялись:
Все такіе-же они!

Сами мы переживали
Тѣ-же страсти и печали,
Что когда-то волновали
Души въ давніе вѣка!
Обстановка измѣнилась,
Жизнь наукой обновилась,
Но душа остановилась
И по-прежнему дикá!

Все, что въ жизни проходило,
Мысль снаружи золотила,
А внутри все было гнило
И до нашихъ дней гніетъ.
Обновленье невозможно, —
Все вокругъ темно́ и ложно,
И грядущее ничтожно,
И былое не влечетъ!..

И съ тоскою я внимаю
Свѣтлымъ струйкамъ, и вздыхаю,
И подъ говоръ вспоминаю
Строфы жуткія балладъ,
А вокругъ молчанье длится,
Воздухъ ласково струится,
И въ ручей, смѣясь, глядится
Голубой небесный взглядъ...

ЧАША СНОВЪ.

Сонъ души моей и чутокъ и тревоженъ,
У дверей на стражѣ левъ тоски,
Садъ мечты моей печалью огороженъ,
И къ нему дороги не легки.

По краямъ доро́гъ — нарциссы слезъ незримыхъ
И кроваво-красный макъ страстей,
А въ пескѣ доро́гъ — сплетенья жалъ змѣиныхъ
И серпы безжалостныхъ когтей.

Если нѣтъ въ тебѣ боязни ранить ноги
О шипы змѣиныхъ языковъ,
Если ты ко мнѣ во тьмѣ найдешь дороги, —
Приходи вкусить изъ чаши сновъ.

Принеси съ собой своихъ сокровищъ вѣчныхъ,
Что теперь тревожатъ твой покой, —
Тѣхъ души твоей сокровищъ безконечныхъ,
Никому не отданныхъ тобой.

Дай мнѣ каплю лишь, дай ма́лую крупицу;
За нее я все тебѣ отдамъ!
Всѣ мечты мои и пѣсенъ вереницу
Принесу, сложу къ твоимъ ногамъ!

Чашу сновъ моихъ тебѣ я, какъ невѣстѣ,
Поднесу, склонясь покорно ницъ,
Но въ нее съ тобой мы взглянемъ только вмѣстѣ,
Отстранивъ навѣки тѣнь рѣсницъ.

Я въ зрачкахъ твоихъ прочту, что не случайно
Мы въ мечтаньяхъ встрѣтились съ тобой,
Ты въ моихъ зрачкахъ прочтешь святую тайну,
Что я весь, всегда, навѣки твой!

ПЕРЕДЪ РАЗЛУКОЙ.

Разстаемся впервые надолго съ тобой,
И въ грядущемъ — туманны мечты...
Я не знаю, что будетъ съ моею душой,
А въ душѣ у меня — только ты.

Не прошу вспоминать, не прошу не забыть;
Не забудешь и вспомнишь не разъ!
Вѣдь не въ силахъ разлука зарю погасить,
Что однажды въ душѣ занялась.

Разстаемся надолго, быть-можетъ, навѣкъ;
Жизнь капризна и любитъ обманъ:
Можетъ-быть, оборветъ она дней моихъ бѣгъ,
И пожретъ меня Смерти туманъ,

Можетъ-быть, пощадитъ, даже силы пошлетъ,
Чтобъ печали осилить я могъ,
Можетъ-быть, съ новой силой пышнѣй зацвѣтетъ
Моихъ пѣсенъ поблекшій цвѣтокъ.

Я спою ихъ тогда о тебѣ, для тебя,
Облекаясь, какъ въ ризы, въ мечты,
Чтобъ, зовя, и звеня, и маня, и любя
Мнѣ свѣтили тѣ пѣсни, какъ ты!

Все, что раньше писалъ, что потомъ напишу, —
Знай, что всѣ мои пѣсни — твои!
Ничего не хочу, ни о чемъ не прошу,
Но люблю тебя больше Любви!

ОСЕНЬ.

Дождя стеклянныя портьеры
Задернулъ осени порывъ,
И домъ, и прудъ, и липъ шпалеры
Въ старинномъ паркѣ застекливъ.

Въ старинномъ паркѣ липы моютъ
Янтарно-желтую листву
И подъ зонтами вѣтокъ кроютъ
Еще зеленую траву.

Порфиръ кровавый вазъ старинныхъ
И темныхъ статуй мутный блескъ
Цвѣтной букетъ отсвѣтовъ длинныхъ
Бросаютъ въ пруда переплескъ.

На липахъ капли — какъ топазы,
Какъ изумруды — на травѣ
И какъ рубины — въ чашѣ вазы,
Багрянцемъ блещущей въ листвѣ.

Но всѣ цвѣта въ дождѣ стеклянномъ
Блѣдны, прозрачны и мягкі́,
И взоромъ смотритъ міръ туманнымъ
Черезъ осеннія очки.

Осеннихъ красокъ, полуто́новъ
И тѣней гамма мнѣ темна;
Цвѣтовъ весеннихъ, трелей, звоновъ
Моя душа еще полна!

И пусть осенняя погода
Природу прячетъ подъ стекло!
Въ моей душѣ весны свобода
И солнца вешняго тепло!

УСАДЬБА.

Надъ паркомъ небеса, по вешнему бездонны,
Лазурную эмаль сливаютъ съ серебромъ,
Надъ заводью рѣки несутъ фронтонъ съ гербомъ
Четыре стройныя коринфскія колонны.

Чугунная скамья въ сиреневой глуши
Стоитъ, маня къ себѣ задумчивымъ уютомъ,
И въ шелестѣ листвы надъ ласковымъ пріютомъ
Мнѣ шопотъ чудится: Я жду тебя... Спѣши!..

Вотъ здѣсь, въ тѣни березъ, средь тмина и бурьяна,
Онѣгина ждала влюбленная Татьяна
И въ каждомъ шорохѣ ловила шумъ шаговъ,

Вотъ здѣсь ей прочиталъ Онѣгинъ назиданья,
И, льдомъ окованный его холодныхъ словъ,
Вдругъ въ сердцѣ дѣвичьемъ увялъ цвѣтокъ мечтанья..

МЕЧТА.

(сонетъ.)

Когда тяжелой пеленой затянутъ
Небесный сводъ, природа вся скучна,
И міръ окутанъ сѣрой тѣнью сна,
Въ которой таетъ звукъ, и краски вянутъ.

Но солнечныхъ очей лучи проглянутъ,
И жизни вновь вездѣ кипитъ волна,
И снова красками земля полна,
Проснется лѣсъ, и птичьи хоры грянутъ.

Какъ жизнь темна, когда тоска ложится
На сердце намъ тяжелой пеленой
И какъ свѣтла она, когда родится
Въ душѣ мечта, и отъ нея волной
Вся кровь вскипитъ, и сердце обновится!
Жизнь безъ мечты — безъ солнца міръ земной!

* * *

„Запретили тебѣ выходить,
Запретили и мнѣ приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Намъ съ тобою другъ друга любить . . .“
А. Фетъ.

Намъ такъ легко простить другъ-друга,
Понять другъ-друга намъ легко,
Хоть размѣтала жизни вьюга
Насъ другъ отъ друга далеко.

Судьба, какъ строгая мамаша,
Насъ разсадила по угламъ,
Но все-жъ не вянетъ дружба наша,
И не страшна разлука намъ.

Бываютъ дни — насъ отпускаетъ
Судьба вдвоемъ играть, шалить, —
На время насъ соединяетъ,
Чтобъ послѣ снова разлучить.

О, какъ мы въ эти дни играемъ!
Тоска уходитъ далеко,
Мы любимъ все, мы все прощаемъ,
Что и для взрослыхъ нелегко!

Свирѣль любви поетъ намъ звонко,
И пѣсни множатся въ крови,
И мы, какъ два больныхъ ребенка,
Играемъ въ кубики любви.

ОТДЫХЪ.

Березъ зеленые фонтаны
Бросаютъ ласковую тѣнь
На травяной коверъ поляны,
Съ которой мнѣ подняться лѣнь.

Вдыхаю нѣжный запахъ кашки,
Къ землѣ клонящей стебелёкъ,
И съ высыхающей ромашки
Сдуваю трепетный пушокъ.

Смотрю на шаткія травинки,
Слѣжу серьезныхъ муравьевъ,
Несущихъ зерна и былинки
Къ вратамъ подземныхъ городовъ...

Такъ сладко снова стать ребенкомъ
И пить съ листковъ алмазы росъ
При неумолчномъ хорѣ звонкомъ
Сверчковъ, и пчелокъ, и стрекозъ!

Такъ хорошо въ травѣ укрыться
Среди прохладящихъ тѣней
И, какъ ребенокъ, позабыться
Вдали отъ суетныхъ людей,

Не знать обмана, скуки, боли
Страстей, коварства и обидъ
И та́къ прожить хоть часъ на волѣ,
Какъ Богъ былинкамъ жить велитъ!

ЛУЧИ.

Какъ богатырь могучъ мечомъ сіяющимъ
И златомъ блещущимъ, какъ царь, богатъ,
Лучъ солнца молотомъ упалъ пылающимъ
На кровлю хвойную лѣсныхъ палатъ.

Подъ хвойнымъ куполомъ, лучемъ расколотымъ,
Изъ капель солнечныхъ растетъ потокъ
И растекается червоннымъ золотомъ
На сѣромъ бисерѣ лѣсныхъ дорогъ.

А сосны иглами, лучемъ обвитыми,
Вонзаясь яростно въ нѣмую тѣнь,
Стволами красными, какъ сталактитами,
Шатра зеленаго подперли сѣнь.

Лучи такъ ласковы, и тьма подъ ласками
Вдругъ вся растаяла, какъ таетъ дымъ,
Лѣсъ расцвѣтился весь огнемъ и красками,
Сталъ вешне-радостнымъ и молодымъ.

Такъ души скорбныя, когда встрѣчаются
Со взглядомъ ласковымъ родныхъ очей,
Огнями радости вдругъ расцвѣчаются,
Какъ лѣсъ нахмуренный — въ огнѣ лучей...

Оглавленіе.